

СМЕНА

21
1951

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

НАТАША ВАЛАНДИНА

ПИОНЕРВОЖАТАЯ

У каждого из нас в юности бывает самая дорогая, самая заветная мечта, и к ней мы стремимся с ранних лет. Такой дорогой мечтой Наташи Валандиной было желание стать архитектором. Есть ли что-нибудь более радостное, чем сознание, что ты своими руками — вначале на бумаге, затем в натуре — создашь величественные дворцы, корпуса жилых домов, уютные, светлые веранды детских площадок?

Шла первая послевоенная весна. Наташа училась тогда в восьмом классе. Она неплохо рисовала. Казалось, всё благоприятствовало тому, чтобы мечта её осуществилась. Но именно этой весной и случилось то, что в дальнейшем изменило её мысли и жизненные планы.

Активистке районного Дома пионеров Наташе Валандиной поручили работу пионервожатой в летнем лагере. Наташа вышла с

ребятами под Звенигород. Раздолье русской природы, которую она, уроженка Москвы, знала раньше только по картинкам Левитана, любовательные дети, которым каждый день нужно было давать что-то новое, раскрывающее жизнь, — всё это волновало, будоражило Наташу.

Наташа Валандина с пионерами.

Ребята возвращались осенью затормозив, окрещенным, повзрослевшими. Совсем иной вернулась в Москву и их пионервожатая: она, по её выражению, по уши влюбилась в пионерскую работу. «Понимаете, — горячо убеждала она подругу, — если архитектор имеет дело с кирпичом, мёртвым материалом, то тут перед тобой дети. И ты тоже архитектор: они в таком возрасте, что из них можно лепить всё, что ты хочешь. Сколько житей, столько и благодарностей тебе...»

Ей не было и восемнадцати лет, когда её направили в школу старшей пионервожатой. Школа была мужская, коллектив большой. С чего начать? Надо прежде всего как можно ближе познакомиться с детьми, завоевать их доверие. Ребята в перерывы начинали игру, и Наташа с ними; они затевают интересный сбор — старшая пионервожатая осторожно, так, чтобы не лишать их инициативы, даёт советы, помогает пригласить интересных людей. Чем ближе знакомились она с пионерами, тем интереснее было работать с ними. Все ребята казались ей хорошими, деятельными, честными. Но тут, как всегда, пришли и первые огорчения. Тогда это был настоящий удар; потом Наташа поняла, что без этого не может быть успеха в её работе.

Однажды в пионерскую комнату пришла жаловаться на сына пожилая женщина, мать Володи М. Наташа была поражена: Володя — такой прилежный, вежливый, исполнительный пионер, и вдруг оказывается, что дома он обижает братишку, не слушается матеря. В ватничной работе начинается новое изучение семьи, быта своих пионеров — лепить характер будущего строителя коммунизма должна не только школа, но и семья.

Днём Наташа работала старшей пионервожатой в школе, а вечером сама становилась ученицей: она продолжала заниматься в вечерней школе рабочей молодёжи. По возвращении домой — как бы поздно ни было — она неизменно садилась за книги. Это были мудрые книги о воспитании подрастающего поколения — Калинин, Макаренко, Ушинского...

...В 34-ю среднюю женскую школу города Москвы Наташа Валандина пришла так, как приходит опытный учёный в новую хорошую лабораторию. Она знала, что главное в пионерской работе — пробуждение в детях интереса к коллективу, к самостоятельности во

всем, что основа всей работы — сбор. Вот девочки третьего отряда решили провести сбор. Чему посвятить его?..

— Пусть нам расскажут о великих стройках коммунизма! — просили они.

А почему «расскажут»? — удивилась пионервожатая. — Вы сами себе расскажите...

Задумались пионерки: что они могут рассказать об этом? «А давайте сделаем большую карту великих строек», — предложила Лора Березкина, председатель совета отряда. «А мы можем её электрифицировать», — поддержали её подруги. «Может, письмом написать строителям, скажем, Сталинградской гидроэлектростанции?» — поддал кто-то из девочек мысль. «И карту надо сделать, и письмо написать, и на выставку в Политехнический музей сходить — всё надо», — заключила Наташа. Девочки отряда стали готовить свой сбор. Они занимались картой, дружно сочиняли рассказы. Тут же пошли на лекцию автора проекта Главного Туркменского канала инженера Семёнова... Так прошёл месяц. Каждая из пионерок, готовясь к сбору, узнала что-то новое, интересное о великих стройках, чем они спешили поделиться с подругами. Из Сталинграда было получено тёплое письмо от комсомольцев — участников строительства.

Сбор прошёл интересно и увлекательно. А в это время другие отряды — а их в школе двенадцать — готовили каждый свой сбор: «Цена минуты», «Два мира — два детства», «Юность славит мир» и т. д. Темы сборов были самые различные, но было одно у них общее: их готовили сами девочки. Они знакомились с интересными людьми, посещали фабрики, делали альбомы, которые сами же украшали, писали в них объяснительные тексты. И даже не заметила Наташа, как её мамина ленинская «эпохевская» комната, что у самого входа в учебные классы, на первом этаже, стала центром, куда постоянно заходят ученицы. Валья Степанова получила двойку — она очень огорчена этим и идёт повидать о своей горе старшей пионервожатой; Света Малышева собрала более килограмма семян деревьев, и естественно, несёт их сюда; Галия Афиногенова, член совета дружины, пришла к председателю провести новый интересный сбор в отряде.

И с большими и малыми вопросами, с обидами и радостями идут девочки к своему старшему другу — пионервожатой. А Наташа смотрит на них и с гордостью думает: растёт хорошая смена — честная, деятельная, весёлая, — и в каждой из этих девочек чистота её тепла, её любви к жизни, к будущему.

Неподалёку от школы, на Смоленской площади, осваиваются от лесов новые, светлые высотные здания. Проходя каждый раз мимо него, Наташа с интересом наблюдает, как всё чётче и явственней проявляется художественный замысел архитектора, создавшего первое в столице высотное здание. Но в душе её нет чувства зависти ни к архитектору, ни к строителям. Она помогает создавать самую большую ценность — характер нового человека, которому предстоит строить наиболее величественное, наиболее светлое и радостное — коммунизм. *

С. КРУТИЛИН

ТВОИ
товарищи

Водолаз Волгодонстроя номсомолец Сергей Веселовский.
Рисунок И. Жукова

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

Литературно-художественный и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ. Ноябрь. № 21. 1951 год.

Год
издания
28-й

Мы - советские люди

Советский человек! Когда произносишь это, всегда вспоминается замечательные, полные веры и творческие силы советских людей слова Иосифа Виссарионовича Сталина о том, что «...последний советский гражданин, свободный от целей капитала, стоит головой выше любого зарубежного высокопоставленного чинуши, влечащего на плечах ярмо капиталистического рабства.» Как мудры эти слова, согретые великой любовью к советскому народу — творцу и создателю! Вся история нашего Советского государства является непрекращаемым подтверждением правоты этих слов. В особенности раскрываются перед всем миром лучшие черты советских людей, воспитанные в них большевистской партией, в дни Великой Отечественной войны, когда народы мира держали историческое испытание перед лицом фашистского нашествия.

Только советские люди, вдохновлённые большевистской партией, руководимые великим Сталиным, смогли выдержать единоборство со всеми фашистскими силами, сколоченными Гитлером под своим разбойничьим знаменем. Только советскому народу — богатырю оказавшись под силу сломить и разгромить гитлеровскую военную машину, бросить на колени фашистскую империю и освободить мир и в том числе и немецкий народ от фашистского рабства.

И весь мир поразили красота души, высокие идеалы, духовная мощь и непоколебимая воля советских людей. Как светило социализма, загорелась перед всем человечеством планета патриотства, показавших миру прочность и непоколебимость нашей советской системы, явивших высокие образцы служения своей социалистической Родине.

Юные молодотарарейды, только что вступившие в жизнь, и восьмидесятилетний великодушный колхозник Матвей Кузьмин, повторивший подвиг Ивана Сусанина, московская комсомолка Зоя Космодемьянская и старей большевик — партизан гражданской войны Исидор Артёмович Ковняк, инженер Николай Кузнецов и молодая колхозница Лиза Чайкина — все они и тысячи других главных советских патриотов показали такое величие души, что стали любимыми героями советского народа. О них поют песни, пишут книги.

А сейчас советский народ-победитель, призванный большевистской партией к мирному труду, показывает чудеса трудового творчества и созидания. Каждый наш мирный день рождает героев труда, подвиги которых подвигам Матросова, Косового, Космодемьянской, Кузьмина.

Вся наша страна от края и до края охвачена нафосом коммунистического строительства. Мирные советские люди отдают труду все свои способности, таланты, весь жар своих сердец. И сейчас мы с гордостью называем имена героев-тружеников, передовиков-новаторов, поражающих мир величием своего трудового творчества.

В этом трудовом творчестве миллионов советских людей, невиданно развернувшимся в сталинскую эпоху, в их неистощимом стремлении к миру, ярко проявляется добрая воля и высокая государственная мудрость самого могучего и самого миролюбивого народа на земле — советского народа.

И мы, как народ победы, как залог всех наших успехов, с гордой радостью говорим: «Мы — советские люди».

Борис ПОЛЕВОЙ

Александр Назаренко перед спуском в воду.
Фото А. Мокшцова

Шли последние приготовления к перекрытию русла Дона. Земснаряды уже прокладывали новый путь — к донным отвер-

Герои прорана

стиям водосливной плотины, а здесь, в проране, — неширокой протоке, оставленной в банкете, — шумели, беснуясь, мутные донские воды. Скорость движения их достигала трёх метров в секунду.

При такой скорости вести подводные работы очень трудно, но это было необходимо для постройки моста: надо было установить в проране опоры моста, предварительно разорвав для них места под водой.

За это трудное и опасное дело взялись три неразлучных друга-комсомольца — Сергей Веселовский, Александр Назаренко и Михаил Лесин. Все трое родились на Дону, неподалёку от Цимлянской, во время Отечественной войны служили во флоте, а теперь работают аварийщиками на землесосных сарьяках.

Задача оказывалась гораздо труднее, чем они предполагали. Когда подлазы поставили в проран свой

бот с необходимым оборудованием, скорость движения воды возросла ещё больше.

Первым спустился Сергей Веселовский. Сразу же его потянуло по течению, канат рвало из рук. Обычный груз не мог удержать подлоза на дне, и друзья спустили ему ещё рельс.

Работать было невероятно трудно. Сергею приходилось всё время поворачиваться спиной к движению воды. Ухватившись руками за рельс, он ногами разрывал камни для установки опор.

С бота последовала команда: «Наверх!» Но Сергей не слышал поднятия. «Снаряжение сменщик займёт около подлаза, — думал он, — а время не ждёт».

Чувствую себя хорошо, — отвечал он, — опускайте ржик!

В глазах Сергея потемнело от напряжения. Отчаяние борется с течением, он устанавливает опору на каменное дно и дернул канат:

«Загружать бутом». С баржи в ряж загрузили бут, и деревянный струб нематерво прирос к донскому дну. Только убедившись в том, что новая опора стала верно, Сергей согласился на подём.

Поднявшись по трупу, Веселовский навалился на борт. Другая осторожно сняли с него шлем, и Сергей с наслаждением вдолхнул свежий воздух. Только сейчас он почувствовал, как устал.

Через несколько минут под воду ушёл Михаил Лесин, за ним Александр Назаренко, затем снова Сергей. В этот день комсомольцы провели под водой одинадцать часов...

Теперь проран закрыт. Дон течёт по новому руслу — через водосливную плотину. Перекрытие старого русла было произведено в пять раз быстрее, чем намечалось по плану, и в этой победе строителей немалая доля труда героев-прорана — подлазов-комсомольцев Сергея Веселовского, Александра Назаренко и Михаила Лесина.

Констант. ВОЕВОДИН

РАДИ ЧЕЛОВЕКА

В республиканской станции санитарной авиации звонил телефон. Девушка сестра подняла трубку, услышав раскаты грома и, взглянув на большие стальные часы, вывела на чистом листе бумаги:

«11 часов 45 минут. В одну из больниц Владимирской области доставлен ребенок двух лет с некротическим телом в бронхах. Ребенок нуждается. Необходима операция, причём весьма сложная. На месте специализист-хирурга нет. Врач больницы признал такое, что в таких условиях такую операцию сделать нельзя, и обратился за помощью по телефону непосредственно в Мосину».

Ничего мы приводим последующие записи в тетради дежурной сестры:

«12 часов 05 минут. Дано указание Владимирскому здравоохранению срочно доставить больного ребёнка на аэродром, куда за ним специально высылается санитарный самолёт».

12 часов 15 минут. Вылетел во Владимир санитарный самолёт. На борту дежурная сестра Павлова.

12 часов 40 минут. Из Владимира сообщают, что ребёнка привезли на аэродром. Ждут самолёта.

12 часов 45 минут. В Мосину выслана на аэродром санитарная машина. Одновременно дано указание главному больничному Дзержинского района подготовиться к операции.

13 часов 15 минут. Самолёт с больным ребёнком вылетел из Владимира. На борту врач Александр, медицинская сестра Павлова и мать ребёнка. Состояние больного тяжёлое.

13 часов 50 минут. Заместитель главного врача больницы, сообщив, что все приготовления сделаны. Для операции вызван специализист-хирург, кандидат медицинских наук доктор Маломуж.

14 часов 10 минут. Санитарная машина с больным ребёнком выехала с аэродрома к больнице.

15 часов 30 минут. Врач больницы Родионова сообщила, что ребёнок Нининга, вызванный самолётом из Владимира, поступил в тяжёлом состоянии. Операция прошла успешно. Состояние ребёнка сейчас вполне удовлетворительное».

В краях и республиках Советского Союза созданы станции санитарной авиации. Если нужно оказать срочную медицинскую помощь, врачи вылетают в любой посёлок, в любой дач. На снимке: главный хирург Таджинской станции санитарной авиации Х. Д. Гадиев и лётчик Б. А. Бриткин перед вылетом к больному.

Фото О. Кнорринга

Фото Г. Борисова

ВЕРНЫЕ РУКИ

Рядом со мной работает немцыский технолог паренёк Анатолий Кондаков. Окончив ремесленное училище, Анатолий пришёл к нам в цех токарем четвёртого разряда. Любопытный, не по годам степенный паренёк скоро завоевал авторитет не только среди молодых рабочих, но и среди опытных токарей-стахановцев.

Анатолий Кондаков — мой подшефный. Я помогаю ему разбирать чертежи, следить за режимом, разъяснять приёмы заточки резцов.

Немногого более года назад у нас возникло движение за продление срока службы оборудования. Начало этому движению положили кадровики, а теперь и молодые, недавно пришедшие на завод, по примеру опытных производственников берут свои станции на социалистическую сохранность.

Каждый из нас, кад-

ровых рабочих, — и знаменитый токарь Павел Быхов, и лучшие стахановцы Батов, Хилькин, Липкин и другие — с радостью передаёт свой опыт молодёжи, делится с ней своими знаниями и умением. Никому из нас никогда не могло бы прийти в голову скрывать от других свои производственные секреты или получать от них выгоду только для самого себя.

Мысленно я уже вижу тот день, когда мой подшефный Анатолий сам будет делиться с новичками, впервые поступающими порог цеха, своим умением, мастерством, производственной скоростью, а ещё через некоторое время и эти новички, обучившись у товарища Кондакова, будут передавать свой опыт, знания другим. В этой нескончаемой эстафете, в этой преемственности трудовых традиций,

в открытом, шедом, постоянном обмене опытом скапливается ещё одно преимущество советского стиля работы, советского образа жизни.

Каждый опытный производственник, уча друтих, продолжает учиться сам. У нас, старших, кадровых рабочих, тоже есть шефы, учителя — научные сотрудники. Стахановский институт имени Сталина. И если, скажем, я шефствую над Анатолием Кондаковым, то руководитель кадрам, резания институт профессор Василий Александрович Кривоухов шефствует над мной. Он помог мне разработать геометрию резца для резания чугуна; кафедра резания, руководимая Кривоуховым, создаёт отличный резец с механическим креплением и передаёт его мне; я консультировался с работниками кафедры резания в вопросах до-

стижения единой заточки инструментов и т. д.

Наши стахановцы читают лекции и доклады для студентов института. Знающий токарь старин Павел Быхов несколько раз выступал в институтах, я читал студентам лекцию по обработке чугуна. Стахановцы завода принимают участие в научно-исследовательской работе института.

Так осуществляется тесная связь людей науки и людей практики.

...Когда я смотрю на моего подшефного Анатолия Кондакова, на Владимира Филатова, над которыми шефствует Липкин, на выучившегося токаря Хилькина — этих способных, восприимчивых, жадных к знаниям молодых рабочих, — я с гордостью думаю о том, что наши знания и производственный опыт пополни в хорошие, надёжные руки.

Борис КУЛАГИН,

токарь-стахановец Московского завода шифровальных станков

Токарь-стахановец Борис Кулагин со своим подшефным Анатолием Кондаковым.

КОГДА ТОВАРИЩ В БЕДЕ...

В РЕДАКЦИЮ ЖУРНАЛА
«СМЕНА»

Дорогие товарищи! Посылаю вам два письма нашего студента-комсомольца Марка Щелова. Два года тому назад тов. Щелова тяжело заболел, и вот два года комсомольцы нашей группы шествуют над больным товарищем. Находясь в больнице, Марк не чувствует себя оторванным от группы, живёт общей с нами жизнью и продолжает занятия. В его зачётной книжке всего две оценки «хорошо», остальные — отличные.

Сейчас Марк находится в санатории. Там его навещают друзья-студенты, преподаватели приезжают принимать экзамены и заны.

Марк Щеглов уже поправляется и скоро вернется в нашу университетскую группу.

Елена МАЛИНИНА,
комсорг 3-й группы 4-го курса
филологического факультета МГУ

ПИСЬМО ГРУППЕ

Здравствуйте, дорогие друзья! Очень радостно получить от вас письмо, а ещё радостнее, пожалуй, отвечать на него.

Так и дошло до страниц вашего письма, а ещё больше от гурьбы ваших подписей и надписей всей атмосферы кинения, которой полон и знаменит наш факультет! Так я и увидел всех вас — деловитых, весёлых, дружных, всеуспевающих и всемогущих — с обилием трудов и увлечений, с вашей каждодневной радостью. Как будто я встретился с вами в какой-нибудь из аудиторий или в нашем коридоре.

Я тут изо всех сил стараюсь не отстать от вас и всё же отстаю. Вы вот уже прочитываёте и судите ваши работы, а я пребываю ещё в самой начальной стадии: столько у меня недоумений и сомнений. Незадолго только получил одобрение своих планов от М. Н. Зоули и теперь возьмусь вплотную за сочинение. И, что бы там ни было, я обязательно дам работу к концу семестра — спешу заверить в этом прежде всего уважаемого старосту Толстовского семинара.

Вы спрашиваете о моих планах и занятиях. Ужасно мне не хочется отставать от вас, тем более что мне самому чертовски верится в быстрое и окончательное исцеление, а значит, в очень скорую встречу с вами.

Ещё раз — не лишний — примите от меня, милые товарищи мои, огромное, огнедышащее спасибо за всё, чем я вам обязан, за всю настойчивую и щедрую дружескую помощь вашу, которая гораздо больше, чем помощь

Жму ваши руки — я и в самом деле постоянно и, по вашему выражению, крепко чувствую их, и мне поэтому море по колено.

ИЗ ПИСЬМА К МАТЕРИ

[illegible]

КРАНОВЩИЦА ВАЛЯ ЗАЙЦЕВА

Ей не было ещё и десяти лет, когда гитлеровцы подступили и Сталинграду. Вместе с матерью Валя ушла на фронт! Валя под бомбёжками врага покинула родной город. Матери не хотелось покинуть родной город: верилось, что советские воины не уступят врагу город-герой. В селе Дубовке, что севернее Сталинграда, она с Валей пробыла около года. После разгрома гитлеровцев они вернулись к развалинам своего дома и начали создавать свою жизнь заново.

Враг уничтожил заводы, жилища, но вскоре у Вали с матерью были уже и кров и пища; мать работала, Валя училась. Незаметно пробежали годы. Валя окончила семилетку. В день выпускного вечера мать долго ждала дочку. Валя пришла вместе с подругами — радостная, сияющая.

— Мама! Мы решили на стройку поехать!..

Валя Зайцева окончила курсы машинистов порталных кранов при учебном комбинате строительства Волго-Донского судоходного канала в Красноармейске. В мае 1950 года она приехала на Цимлянский гидроузел, здесь овладела сложной профессиональной работой машиниста и вскоре стала одним из лучших машинистов порталных кранов. Затем Валя научилась управлять подъемным краном, работать на экскаваторе.

Не было дня, чтобы Валя Зайцева выполнила норму меньше чем на 150—200 процентов. Валя перевезла мать в посёлок Ново-Солёновский и теперь живёт, как она говорит, по-семейному.

На снимке: Валентина Зайцева на подъемном кране за укладкой гибкой ризбермы в нижнем бьефе плотины Цимлянской ГЭС, где ныне проходит новое русло Дона.

Фото А. Моклецова

Как только наступают тёплые дни, многие рабочие города Черныковского (Башкирия) стремятся в заводской дом отдыха, где по берегам реки Белой природа особенно богата красивейшими уголками. Людей влечёт сюда не только отдых, но и искусство.

Живописью стала призванием многих рабочих. Кружок изобразительных искусств при рабочем клубе «Ударник», которым руководит художник Геннадий Васильевич Огородов, стал популярным уже давно.

...В большом светлом зале клуба, который в зимние месяцы служит живописцам мастерской, у мольбертов, освещаемых ярким светом юпитеров, сидят двенадцать молодых людей, только что окончивших работу в цехах. Один последние мазками кисти завершает давно начатые картины, другие делают карандашные наброски будущих произведений, замысел которых известен пока только автору.

Молодость — общая отличительная черта всех участников кружкового занятия. Ни у одного из них ещё нет громкой славы художника, но ко многим, по мнению Огородова, она придёт обязательно, как пришла к ним слава передовых производителей.

— Ведь их труд в цехах — это тоже творчество, — говорит Геннадий Васильевич, — и если Хисамудинов нашёл в себе силы стать лучшим модельщиком на заводе, то почему бы ему не быть столь же талантливым мастером кисти, раз у него есть большое призвание к этому виду искусства!

Жестоким коран запрещал башкирам изображать человека или природу на бумаге: это считалось одним из величайших грехов, на который мог толкнуть только шайтан. И, родясь модельщик Хисамудинов под властью корана, мы никогда не увидели бы ни его большого, полного жизни полотна «Сосновый бор», ни массы этюдов, ещё полнее раскрывающих его талант, ни «Портрета украинской девушки»...

Хороши пейзажи комсомольцев — плотника Павла Ерёмёно и техника-архитектора Сергея Литвинова. Инженер-конструктор комсомолец Вадим Ворона работает над двумя полотнами — «Юность» и «Перед экзаменом»; особенно интересен замысел второй картины: студенты встречают утро перед экзаменом у окна, распахнутого в весну, и открывающаяся в окно синия даль столь же безбрежна, как безбрежна жизнь советского студента-выпускника...

Бригадир токарей Михаил Арефьев пишет портрет стхановца-протяжника Бронислава Кулачковского. Обычно свободные от работы часы Арефьева и Кулачковского не совпадают, поэтому протяжчик позировет токарю у своего станка по воскресеньям — в общие дни отдыха. Ещё один портретист, Талгат Фаттахутдинов, маляр по профессии, решил запечатлеть на полотне своего друга, стхановца-токаря Мавляяра Сулейманова.

Кружок живописи два раза в год — 1 мая и 7 ноября — устраивает отчетные выставки художников-работяч. На эти выставки приезжает много гостей из Уфы, из окрестных деревень. Некоторые из них занимаются в членах кружка. Так, слесарь Уфимского паровозного завода комсомолец Рашид Диваев, заведующий кружком, проводит от работы дня и проводит свой отдых здесь за мольбертом. Его картина «Занятия цехового политкружка», написанная в художественной мастерской клуба «Дзидарик», на последнем заводском вернисаже пользовалась

Б. КРИНИЦКИЙ

г. Черниковск,
Башкирская АССР

Мы - советские
люди

ОХОТНИКИ ЗА КИТАМИ

Фото С. Когана

Второй час капитан китобойца «Слава-5» Аркадий Михайлович Морозов терпеливо обшаривал биноклем горизонт. Он стоял на мостике, выискивая, широкоплечий, слегка расставив ноги. Серое небо, нависшее над океаном, вздымающиеся то там, то здесь ледяные громады, серо-зеленую айсберговую воду — вот всё, что видел он. Китов не было. Ветер крепчал. Он свирял с волн белые гребни, бросая ледяную пыль в лицо. Судно покрывалось льдом.

И вдруг неожиданно раздался голос:

— Справа по носу фонтаны! Курсовой угол — пятнадцать градусов!

— Приготовиться к охоте! Полный вперед! —скомандовал Морозов.

Китобоец приблизил ход.

Из киботы выбежал гарпунёр, на ходу застывшая дождевик.

Фонтаны неожиданно исчезли. Все, не сговариваясь, заглянули на часы: кит дышит воздухом, через 10—15 минут он обязательно вынырнет... А когда фонтаны показались над водою вновь, их было видно и невооружённым глазом: высокие, похожие на опрокинутый конус, слегка изогнутый ветром.

— Блювалый! Блювалый! —раздались радостные возгласы.

Блювалы —самые крупные животные. Они достигают тридцати метров в длину и ста пятидесяти тонн веса.

Началась так называемое «кухонивание» за китом. Теперь успех охоты целиком зависел от гарпунёра, от его опыта, от его знаний повадок морских исполинов.

Кит — животное осторожное и чуткое. Он прекрасно слышит и, когда бежит от погоны, в состоянии развить скорость до 40 километров в час. Почуввав опасность, кит тотчас же вдвигает в себе воздух и стремительно погружается, сигналы под водой товарищам и детёнышам о грозящей беде.

Гарпунёр должен рассчитать, с какой скоростью и куда направить судно, чтобы подойти к животному на расстояние выстрела — 20—30 метров — именно в тот момент, когда кит будет всплывать за новой порцией свежего воздуха.

Василию Логиновичу Тупикову, гарпунёру китобойца «Слава-5», команда крепко верила: не первый год бьёт он китов.

— Говорят, киты между собой переговариваются, — шутили на китобойце. — Так нас Тупиков научился перехватывать их шифровки, подходить к самым раз!

Капитан передал управление судном гарпунёру.

— Право руля! —подал команду Тупиков, ставя китобойца навстречу волне: киты всегда ходят против ветра; так их меньше качает, им легче дышать.

Нос судна стал зарываться в волну. Гарпунёр, держась за пушку, всматривался вдаль. Воде ударяла в лицо, текла за ворот, обжигала щёки, слепила.

— Малый ход! —донеслось с бача спокойный голос гарпунёра.

Где-то рядом дождик сейчас вынырнуть кит. Все замерли в ожидании. Даже кот, человек весёлый и шумливый, в этот миг сосредоточенно смотрел на воду. Где-то появится кит...

Гарпунёр уверенно повернул пушку направо, словно ему было хорошо видно под водой ход животного.

Один из китобойцев флотилии «Слава» во льдах Антарктики.

Гарпунная пушка.

И в самом деле, через секунду впереди и немного правее, неподдалку от ледяного поля, показалась сначала огромная голова, а за ней тёмносерая с синим отливом спина блювала.

Гарпунёр прицелился.

— Машина, стоп! —скомандовал капитан. —Выстрел!

Гарпун со свистом, увлекая за собой лёгкий и прочный шёлковый трос, понёсся в бок киту.

Кит рванулся вперёд, выпуская фонтан крови. Затем, христо ударив хвостом, он пошёл вниз, увлекая судно к ледяному полю. Воде окрасилась кровью. С огромной скоростью рвущаяся барабан ледобойки.

О корпус судна забилась ледина.

Двести, триста, восемьсот метров троса уле впереди китобойца, но трос всё ещё натянут, как струна. Много сил у блювала.

И, наконец, недалеко от судна, пролома тонкий лёд, снова показавшая огромная спина морского чудовища. Китобоец осторожно подтягивался и мчущемуся животному.

—Торопливо закреплён на убийтом животном флаге, на котором написано: «Слава-5», — и китобоец полным ходом направился искать других китов.

В. ПУШКИН

Рисунок О. Савостюка

Подвиг почтальона

Ночью выпал дождь. С вершины Мара-курта вниз, в Дибровскую степь, устремились шумные потоки воды. Над острými пиками гор плыли разрозненные тёмные облака. Руг холмистый, северный ветер.

Из-за комомы Минавар аккуратно сложил в кожаную сумку газеты и журналы и пошёл на конюшню седлать своего любимого коня Каргала.

Конюх Ильяс Мамед, подкованный, с реденькой белой бородой старик, озабоченно посмотрел на горы, прислушался к водоподу Тингеруд, шумевшему в глубоком овраге, и сказал:

— Повременила бы, Минавар. Сидишь, никак гудит водопад!

— Ильяс-ата, —весело ответил дедушка, — мой конь больше шепчет. Второй день и не доставлю на пастбища газет. Что скажут обо мне чыбы?

Каргал, застывшийся в конюшню, рванулся вперёд. Но вот проскользнул дорожка конюшася. Теперь узкая горная тропинка тонула над отвесным обрывом ущелья Тингеруд. Обида обвалилась в тёмнофиолетовую тучу. Преодолев переклад, конь снова вышел на просветлую дорожку.

Незадолго хлестал дождь. В горах прошла тайная-то шум. Незаметно подражался буря. Возврат всё потемнело. Ветер был так жесток, что Минавар с трудом удерживался в седле.

Вдруг Каргал подставил голову и стал падать ушами. Справа слышался гуд и Минавар увидела, как в сторону ущелья пронёслось стадо овец.

Конь рванулся, и из-под копыт во все стороны полетели комья грязи.

Вот и стадо. Минавар перебралась овцам путь, но остановить их не могла. Они продолжали мчаться, как одержимые.

Дедушкой овладело отчаяние. Ещё несколько минут, и колхозное стадо погибнет.

Что делать? Минавар отпустила поводья и направилась коню прямо в стадо.

Каргал пошёл небольшой рысью, вровень с ушами коня уже овцами.

Минавар прыгнула и, ухватившись левой рукой за гриву коня, правой впилась в жёсткую шерсть молодого барана. Но одной рукой подходить на седло такую тяжесть ей было не под силу, и она развалила пальцы.

При втором заходе Минавар приостановилась коня, спрыгнула на землю и схватила обеими руками ошкур. Однако она слетела удачи. Каргал по передним ногам, и тот покорно опустился на колени. Вот где пригодился! «Я тренировал дедушка завалила ошкур на седло и снова рванулась вперёд.

До ущелья оставалось не больше полукилометра. Дорога была опасна.

Минавар обогнала стадо, остановилась и опустила ошкур на землю. Она жалобно заблекала. Стадо, добежав до сползшего стовнящего овца, колынулось и остановилось.

Дедушка сел на Каргала удержу, привалила и шее овца и потянула ошкур вперёд себя. Стадо потверло диннулось за Минавар. Теперь уже стадо было в безопасности.

Минавар села на камень и почувствовала такую усталость, что не могла шевелить ни руками, ни ногами. Только сейчас она заметила, что её правая рука была вст в седлах.

Буря стала утихать, когда из-за скалы показались большие серые овчарки, а вслед за ней — человек.

Минавар сразу же узнала старшего чабана Сайфара Сайфарова. Она поняла, если навстречу и всего сказала.

— Я привела вам газеты.

К. ХРОМОВ

Г. Денюров,
Азербайджанская ССР.

Мир-советские
люди

Мы-советские
люди

Забойщик Едониин Рубанцев.
Фото А. Москаленко.

В ЗАБОЕ

Спустился в лагу, Рубанцев повалился, как волгнутые каждый забойщик перед первым своим рекордом. На митинге, посвященном миру, он обещал дать сегодня шесть норм. Едониин чувствовал теперь ответственность не только за свое обязательство, но и за работу других комсомольцев: он комсорг участка.

Спать, пласть — любимая операция забойщика. Недаром некоторые горняки эту операцию в шутку называют жаткой. И действительно, как уборные упрямы продвигается дилетантский, упорный труд, так и сонные угольного пласта предшествует таяния трудолюбивая работа, как нарезка кутков, глубокий надбой. Едониин разрыхлил уголь, заставил работать уголь самой природой. А теперь можно было спать пласт.

Заходи сверху, Едониин с радостным возбуждением принялся за работу. Первую половину угла он согнал за двадцать минут. Чем больше расширялась выработка, тем сильнее действовали силы естественного отката: отпалывать уголь становилось всё легче и легче.

Подымая чёрную пыль, вниз по решёткам с грохотом скатывались сверкающие глыбы. Молоток неистовствовал, лава дромала.

Четыре года назад пришёл Рубанцев на шахту имени Румянцева.

Пойдём на выучку к Фёдору Голубитникову, — сказал ему тогда секретарь комсомольского комитета шахты. Опишут с ног до головы плотную фигуру новичка, он добился — Пойдём, научись и поедишься.

Едониин оправдал надежды комсомольской организации. Долго и упорно учился он у старого забойщика. Тот не только не жаловался, и Рубанцев перенимал все его лучшие приемы. Через год Едониин назначили уже бригадиром комсомольско-молодёжной бригады. Его бригада соревновалась с бригадой Голубитникова. Ученик соревновался с учителем! Первый участник на вечерней работе бригады, систематически числится, это один из ведущих участников шахты.

...Рубанцев зачищал последнее «чон», когда в соседнем, восьмом уступе прекратилась характерная дробь отбойного молотка. Там работал молодой забойщик Василий Тоберно, только два года назад прибывший на шахту.

«Ну вот! Немного закончил задание? — удивился Едониин. — Можете, что случилось? Надо унять».

Быстро, не торопясь ни минуты, пробрался он к Тоберно. Оказалось, что у Василия вышел из строя отбойный молоток: сломался зубок, кое раньше никогда не случалось, а автасного он, как на грех, не захватил.

Едониин вытащил из-за пояса новый запасной зубок и быстро приладил его к молотку Василия. После этого он помог Василию поуборнее перебраться полком, отбел плавный угол в другую сторону и ушёл.

Василий на прощание благодарно кивнул ему головой. Через несколько минут и в соседнем уступе заступал отбойный молоток.

В этот день Едониин Рубанцев и его бригада выданы на-гора несколько сот тонн угла сверх плана. А Рубанцев, комсорг участка, выполнил более шести норм. Он перенял своего учителя.

Больше всех радовался успеху молодых шахтёров секретарь комитета комсомола Станислав Беленцев. Ряд был и Фёдор Голубитников. Он гордился тем, что опыт его помогал молодёжи идти вперёд.

Теперь он ещё не то нам показывает, — сказал почётный забойщик Беленцеву. — Да иначе и быть не может: характер у него наш, донецкий.

Ф. КОЖУХОВ

Шахта имени Румянцева, Донбасс.

ЗДЕСЬ УЧАТСЯ ВСЕ

Когда гудок за Невской заставой возмущает об окончании смены, из проходных ворот фабрики «Рабочий» выходят молодые ткачки. У многих из них в руках портфели, тутго набитые книгами. Девушки спешат в вечернюю школу.

Слав сменщице такие автоматы, идёт к проходной и Нина Иванова, невская голубоглазая девушка со светлыми косичками. Там её ожидает подружка-однокурсница Зина Кондрашкина.

— Как твоё сегодняшняя вахта? — спрашивает Зина.

— Хорошо. Сверх плана шестьдесят метров сатина выткала, — отвечает Нина. — А ты задачу решила?

Нина Иванова и Зина Кондрашкина работают в «студенческом цехе» — так пожимые ткачи называют второе ткацкое производство, где вся молодёжь учится.

Нина Иванова окончила семилетку и думала, что для ткачих этого достаточно. Но оказалось не так. На фабрике «Рабочий» были установлены быстроходные ткацкие автоматы. Чтобы научиться управлять новыми станками, Нине пришлось заниматься в техническом кружке. Вначале она обдумывала шесть, потом двенадцать станков, а сейчас управляет двадцатью двумя автоматами. Нынешней осенью Нина поступила в восьмой класс вечерней школы. Её подружки Зина Кондрашкина и Зина Куткина тоже решили продолжать образование: первая

пошла в восьмой класс, вторая — в текстильный техникум.

«Каждому молодому рабочему — среднее образование» — с таким докладом выступила на общезаводском комсомольском собрании директор 136-й вечерней школы рабочей молодёжи В. Е. Борисова. Об этом горничко говорили на цеховых собраниях и во всех комсомольских группах фабрики. Начальники цехов и мастера интересовались, кто из молодёжи подаёт заявления в школу, убеждали колебавшихся. И в какой цех фабрики им заглянешь сейчас, везде встретитесь учащиеся. В этом году в вечерней школе занимается 270 молодых ткачей, в текстиальном техникуме и институте — 40, намного больше, чем в прошлом году.

У комитета теперь столько забот об учёбе, что пришлось создать специальный учебный сектор.

Около 300 юншей и девушек фабрики «Рабочий» занимаются в политкружках, которыми руководят лучшие пропагандисты, выделенные партийной организацией.

Более 900 рабочих фабрики повышают свою квалификацию в технических кружках и станхановских школах.

У нас, — говорит секретарь комитета ВЛКСМ Ольга Бенцкая, — нет ни одного человека, который не занимался бы в вечерней школе, техникуме, кружках технического минимума или станхановских школах. У нас учатся все!

Д. АНДРЕЕВ

Ленинград.

На занятиях восьмого класса 136-й вечерней школы рабочей молодёжи Ленинграда. На переднем плане (слева направо): ткачиха Нина Иванова и ровничица Вера Маркова.

Фото Н. Карасёва

7

Новые моря

Нам по плечу великое искусство —
Природу изменить и покорять.
Прикажем — реки мчат по новым руслам,
Прикажем — появляются моря.

Московское и Рыбинское море
Уже легли среди материка.
Девчатам на прибрежном козостро
Волнует душу песня моряка.

А ныне экскаваторы армады
Величественно шествуют по дну

Морей грядущих —
И у Сталинграда
И у стеной Цимлянской на Дону.

Дно шире раздвигает помпунто,
Равнина отступает перед ним.
И скоро город самый сухопутный
Именован мы будем портовым.

Где скреперы гремят в степи разрытой,
Там загремят цепями якоря.
Пусть на планете все моря открыты,
Мы открываем новые моря.
г. Николаев.

КРАСНАЯ ЛИНИЯ

А. БЕЛЯНИНОВ

В межгоречье Волги и Урала, в бесконечных степях, где горючий ветер метёт пески, пролегал трасса Сталинградского самогочного канала.

В барханах белеют пааки — целый полотный городок. Здесь живут изыскатели — загорелые люди, привыкшие встречать восход солнца. Это они должны издать проектировщикам планшет с красной линией, обозначающей путь воды по Прикаспийской низменности.

С тех пор как Шаймардан Кубеков пролегал, что в Фурманово прибыла экспедиция Гидропротекта, он потерял покой. Из постановления правительства, из недавно услышанного доклада он ясно представлял, что даст его родным степям Сталинградский канал.

Вода. Много воды. Где-где, а здесь знают ей цену!

Шаймардан поехал к отцу посоветоваться. «Знает ли отец, что в пределах Западного Казахстана канал протянется почти на пятьсот километров? — думал Шаймардан. — Знает ли он, что от гавани магистраль пойдёт отсюда, по которым вода попадёт на наши коалюзные поля? Только пахотной земли она орошит около полу-миллиона гектаров да миллион гектаров — senoкошных угодий. А всего из канала будет обводнено и орошено шесть миллионов гектаров!»

Старик Кубеков всё это знал очень хорошо и радовался, что и ему доведётся увидеть в своих пустынных местах буйную зелень. Не сомневался он и в том, что сын его захочет идти на строительство. И теперь, выслушав Шаймардана, он тихо спросил:

— Что же ты думаешь делать в экспедиции?

— Ещё не знаю, — ответил он, — но, думаю, найдётся и для меня дело.

Мать молча поднялась, вышла в соседнюю комнату и сразу же вернулась, держа в руках толстые шерстяные носки.

— Возьми, — сказала, — они тебе пригодятся.

Вот точно так же было и несколько лет назад, когда Шаймардан уходил на фронт.

Шаймардан поступил в инженерно-геологический отряд рабочим третьего разряда.

Дело для него было новое, неизвестное. Но он не унывал: ведь сменным мастер Николай Стариков тоже не сразу стал бурьяшником. Ничего не случится. Всего можно добиться, стоит только захотеть.

В морозы и бураны метр за метром спускали бурьяшники в грунт буров, вынимали образцы пород. У Шаймардана мёрзла ладь даже в тёплых носках, связанных матерью, руки сквозь варежки ощущали обжигающий холод металла, ветер ледя-

нил лицо. Но Шаймардан шептал застывшим губами:

— Придёт конец зиме. На фронте тоже было холодно, а дела горячие делались.

Свои несложные обязанности Шаймардан освоил быстро, но этого ему было мало. Он хотел не только крутить лебёдки: ему нужно было знать, зачем и как бурят землю, по каким местам лучше рыть канал. Вот, скажем, встретились на трассе горизонты горько-солёных вод или меловые отложения. Их надо при проектировании обойти, иначе, как объясняли Шаймардану, они испортят пресную волежскую воду.

Время шло. Шаймардан настойчиво постигал искусство бурьяшника. По цвету или наощупь, растирая пальцами, раздвигая, он песок, суспензии, глины всех видов, научился выбирать железной лопаткой — напорные пробки из мокрого тонкозернистого песка, закупоривающие скважины, — определять, каким буром брать ту или иную породу. Его назначили старшим рабочим к сменному мастеру Владимиру Зубову.

Со стороны жизни бурьяшника может показаться однообразной: закончил одну скважину и берёшься за следующую; снова ставить кофёр, снова строить колонну труб и ввинчивать в грунт бур, и так без конца. Но так только кажется. Каждая скважина имеет свои особенности, свои трудности, которые надо преодолеть смекалкой и спорностью, каждая из них имеет свой собственный профиль.

И каждый раз, когда ещё одна точка на схеме канала обводилась кружком, Шаймардан испытывал радость и гордость. Нет, ни за что не согласился бы он поменять свою работу!

Шайдулла Кубеков всегда завидовал старшему брату. В самом деле: Шайдулла только-только научился бегать, а Шаймардан уже ходил в школу, и у него были свои тетрадки и книжки, к которым нельзя было и прикасаться. Когда началась война, Шаймардан ушёл на фронт, а Шайдула не ввязался и молод ещё, да и здоровьем не крепко; остался он работать в колхозе. Шаймардан вернулся из армии коммунистом, с орденом Отечественной войны и медалями, отец разговаривал с ним, как с равным.

Узнав, что старший брат поступил в экспедицию, которая ведёт трассу канала, Шайдула сказал своей молодой жене:

— Я тоже там буду. Я смогу работать не хуже Шаймардана.

Магрипа согласилась с ним, но прибавила:

— Будем вместе работать. Разве ты не понимаешь, что моё место тоже там?

Решили, что как только Шаймардан примет, заведут с ним об этом разговор.

Шаймардан прискакал неожиданно — по пути на базу. Он хорошо понимал брата: сам когда-то пережил это волнение.

— Я потоворю с начальником, — побещала он Шайдуле. — Думаю, возьмут. Нам люди нужны.

— Хорошо же проси. Если ты не добьёшься, я сам пойду к начальнику, — сказал Шайдула.

Ночевать Шаймардан не остался: торопился на базу. Он рассказывал начальнику экспедиции о просьбе брата.

— Пусть пождёт завчаснее, — усмехался он в ответ. — Рабочие нужны. А если он похож на тебя, тогда совсем хорошо.

— Спасибо, начальник, — сказал Шаймардан. — Мы не подведём.

К тому времени, когда Шайдула и Магрипа приехали на трассу, Шаймардан уже был сменным мастером и подбирая бригаду для бурового комплекса. Шайдула и Магрипу он взял в свою бригаду.

На участок Шаймардана Кубекова мы приехали в тот момент, когда на счету нового скважного мастера повлилась первая пробурённая скважина. Кофёр, лебёдка, бурьянные 42-миллиметровые штанги, обсадные трубы, буры — всё оборудование было погружено на тракторный прицеп. У трактора хлопотал Жумагер Аймешев. Шайдула озабоченно ходил возле прицепа и проверял крепления. Магрипы не было: она уехала на другую точку.

Жумагер повернул ручку, и тишину взорвал рев мотора. Трактор слезал круг и вползла, оставляя в песке глубокие вмятины.

Проводя его взглядом, Шаймардан пододёб к ним.

— Солнце ещё высоко, — сказал он, — успею поставить кофёр. А бурить начнём завтра с утра.

— Как себя чувствуют Шайдула и Магрипа? — спросил я.

— Довольны. Шайдула говорит: умру бурьяшником. А я говорю: захочу умирать? Разве это последний канал? Ещё много будет... Много изысканий...

Он стоял перед нами — высокий, широкоплечий Шаймардан Кубеков, сын этих степей, пришедший на трассу канала, чтобы помочь осуществить вековую мечту своего народа о воде.

Коп! — сказал он. — Торпалась.

И он болящими шагами пошёл к трактору, который уже скрылся за жёлтыми узорами барханами. На боку у него висела планшетка с красной линией — трассой канала, которую ему предстояло пройт. Его ждала новая дела и новые победы.

* Кош — до свидания.

На каникулах.

Дипломная работа А. Ткаченко
(Московский художественный институт имени В. И. Сурикова).

Сталинградская переправа.

Дипломная работа В. Дмитриевского
(Московский художественный институт имени В. И. Сурикова).

ВСТРЕЧИ НА ВОЛГЕ

ОГНИ В НОЧИ

Мы подползли к Жигулёвску на рыбачьей лодке заплохато. Тёмный песчаный берег казался пустынным; от него веяло сыростью, пахло мокрой землёй, музотом. И как-то не верилось, что всякая стройка именно здесь...

Нет, конечно, не верилось! Но в этой будничной простоте ночного берега было что-то поразительное — так внезапно поражает в первую минуту знакомства со знаменитым человеком его какою-нибудь очень скромный, житейский жест.

Мы зашагали вдоль берега и вдоль пня молча — от усталости. Вольно была светлая ночь, небо над нами ярко и чистое, торело, и только южная часть его казалась удивительно чёрной — без единой звезды. Там, невидимые сейчас, стояли горы.

Впереди нас ромашки огни. Три сала отбег: близкие и самые яркие — котлованные, дальние — огни посёлка строителей, а ещё дальше — слившиеся в одну светлую, мерцающую полосу далёкие огни городов нефтяников Жигулёвска. Мы пошли к огням. А нам навстречу неслось и с каждой минутой нарастало железное кокаотное строение...

И вот мы уже на земляном гребне, на самом краю котлована. Под нами, в забое, освещённые яркими лампами экскаваторы. На самом ближнем алает звезда, прикреплённая к стреле. Грудно говорить: мы слышим друг друга. Ревут моторы экскаваторов. Стремительно передвигаясь, громят многотонные стальные туши ковшей. Низким альпинизм рыком рчат столетие веренище мощные самосвалы, словно от нетерпения ждут не дожидаясь своей очереди подкатить к экскаватору и встать под ковш.

А над котлованом плотный клубок кокаотеется пыль, огромная туча пыли, несоедающая, неспрашивая, густоосвещённая при электрическом свете, полотношная небо и звезды — остальные экскаваторы почти не видны из-за пыли, их углубившись по огням. Вот алая звезда блуждающего экскаватора быстро двинулась, коснулась земли и замерла. Стремительно на мгновение, ковш опустился, возмоз, зашипела зубья и тут же точно ползая вверх, наполненный землёй до краёв. В кабине мелькнула светловолосая курдюкая голова машиниста и исчезла.

Чудовищная пасть ковшов уже висит над самосвалом: кажется, сейчас распашпортит его, разбьёт в щепы чёрная земляная лапа. Вот пасть разогнувшись. Мгновением гаухой шум, и самосвалы канье обвали. Но мощный кузов автомашин только сакта вздрагивает под грузом, чуть приседает. Машина уносится в темноту... На её место толкают подкатывает другой грузовик.

В этом направлении, чётком движении, в этих ночных огнях, блуждающих в пыльном море, посползающем гуле машин, в нетерпеливом жёстком повороте высушующегося на миг своей кабины: «Давай, давай, проехали» — и даже в исполненных холмах пыли, взлущивших над котлованом, подобно дымящему зареу, — во всём этом громошодом, шумном и стремительном мире чувствовалась подчинившая себе, незримо присутствующая жуть во всём спокойной и твёрдой воли человека.

А человек этот был нам незнаком. Мы ещё не обменялись с ним ни словом, даже как सदелет не разглядели его лица.

Вероятно, он должен быть каким-то особенным, необыкновенным, этот человек, участник великой стройки.

Мы подумали о том, что это великая стройка потому, что строит весь народ и строит для всего народа.

А всё, что строит народ, остаётся в веках.

Это великая стройка потому, что начата она в грозные и трудные годы. Враги человечества, предвещавшие последний час, замыслили новую мировую войну. В ней они думают найти своё спасение. Но простые люди всей земли жалуют мир. С наслодой сморят они на нашу Родину — непобедимую крепость мира. А наша Родина ведёт гигантское строительство, и не только на Волге, но и на Дону, на Днепре, на Урале, в Сибири, в жарких песках Средней Азии... Это мирный творческий труд могущественного государства, уверенного в своей правоте и своей силе. Вот почему наша стройка — великая великая.

И, наконец, это великая стройка потому, что это сталинская стройка, начатая и осуществляемая по начертаниям великого Сталина.

...Вот о чём думали мы, стоя на земляном откосе и с волнующим галем видя в озарённой прожекторами чашу котлована, где в громоном ритме, не умолкая ни на минуту, разговаривали между собой машины.

ОДИН ИЗ ТЕХ,
КТО БОЯЛСЯ ОПОЗДАТЬ

Я только слышал об известном на стройке экскаваторщике Иване. Знал, конечно, видел его в работе, слышал как-то его выступление на собрании — хотелось познакомиться с ним поближе. Узнав домашний адрес Яшкуннова, я решил просто зайти к нему в гости.

Быстро нашла я маленькую, довольно чистую хатку в три окна, которая оказалась на первом этаже, остальные два этажа пореками отсюда, из «зоны затопления», на новое место, километра за четыре в сторону от Волги; не сегодня-завтра и её черёд...

Стучу. Открывает пожилой худощавый мужчина в выцветшей гимнастике без пояса. Старает глядеть поверх очков. Повидомому, хозяин, и суровый!

— Кого вам?

— Иван Никифорович здесь живёт?

— Нету.

— Скажите, а вы не знаете, где он сейчас?

— А кто его знает? Я за ним не пристаю, — доносится из глубины дома ворчливый ответ.

Спустился я с крыльца, стою в раздумье, и тут какой-то босонужный пятиглавый гаршнепан, на берёзовом прутке по двору, даёт мне драгоценную справку.

— Дядь, вам дядю Ваню? А он к нефтяникам пошёл, в футбол играет.

...Спустя полчаса я уже сижу с Яшкунновым на скамейке возле стадиона. Он только что вымылся после игры; загорелое лицо его ещё горит возбуждением, карие глаза блестя; он быстро и жадно курит.

— Конечно, если с начала рассказывать, это долго получится. Не успею до смеи. Да и вам наскутит, верно! — Он смотрит на меня, улыбаясь. Хорошая у него улыбка, чуть лукавая, мягкая и — какая-то очень добрая, киная... У меня тут всё на глазах начинается. Мы помере можно сказать, самые первые свои кинулись, потом уж народ валом повалил... Я, главное, опоздать боюсь.

— Куда опоздать?

— Да сюда вот, на стройку. Я как демобилизовался в Ленинграде — ни флота служил, — тут у меня всталло противоречие: или в Ленинграде на заводе остаться или в деревню вернуться, в Ставропольский край. В деревню тоже хотелось, потому что председателю у нас там слёбенный был. Вот я и мечтал: вернусь, думаю, водопровод проведёт, станцию поставим, то, другое... Много было мыслей исходить. А тут вдруг сампу: поставлю — о великой стройке. Сразу, можно сказать, загорелся. На Волгу — и никада больше, точка! Я вообще такой человек — вальмывчивый...

Друзок у меня, ему тоже демобилизация подошла; решил вдвоём ехать. Десятого сентября отравились. Домой я решил не ехать, потому что боялся. Поезд оказался счастливо, первого августа вышло, и так, думаю, три неделя прошло, как бы там без нас не начали... Прилетает это мы в Ставрополь тринадцатого числа — на каком-то, помню, колёсном чудеке по Волге плыла, — оказалась, опасения наши напрасные были, ясное дело. Яшкуннов снова воевало и добродушно смеётся, встрахиваю длинными и курчавыми шегом: «Чужбум... Никакого строительства, конечно, ещё не было. Туман, помню, сырой такой, осенний денёк, голый берег и деревня эта маячит — её теперь с берега-то переталили... Ну вот, всё только ещё начиналось. Профессия моя пока не нужна была — я машинист-турбинщик; между прочим, шестидесять тысяч проектов турбин знал. Главный инженер поворит мне: «Турбинист — хорошая специальность. Но у нас ещё турбин нет. Будешь пока экскаваторщиком». «Да я, — говорю, — не умею. Никогда с ними не сталкивался». «Ничего, столкнёшься. У нас, — говорит, — правда, экскаваторов тоже пока нет, но скоро будут».

И вот, пока турбин нет, назначили меня временно экскаваторщиком, а пока экскаваторов не было, тем колько не работай! Всё делал, ни от какой работы не отказывался. Экспедитором был, например. Такой был экспедитор лютый — из-под стола рвал! В самые меня ответственные места бросал. За компрессорами возил, за кулаками крутил. Потом даже в Бресте поехал железнодородный кран получать. Получил, привёз. Намучился я с ним: двадцать суток оттуда ехал. Главное, один я и крутился, всё дорогу, потому механик наш тогда растаяла оказался. Ну, алдо, это уж из другой оперы. Наконец прибыл в Куйбышев восемь экскаваторов. Послал нас их демонстрировать, чтобы водой перевозили на баржах. А здесь, на первоначальной базе, снова на мониторов пришлось, правда, частично, а потом своим ходом. Вот где достало! Мороз был тридцать четыре градуса. Всю ночь работали. Утром совсем страшный мороз ударила, я себе, между прочим, нос отморозил. Тут я и встретился с Коляновым. Он машинист старый, на разных стройках экскаваторщиком работал. Суровый такой мужчина, мрачный, махорку в трубку курит.

«Иди ко мне, — говорит, — в бригаду!» «Алдо, — говорю, — только не кричи на меня, а то я не люблю, когда кричат». «Да нет, я спокойный...» Так я к нему и пошёл.

Зиму у нас очень трудная была. Сейчас всего у нас навалено, работа, можно сказать, кипит. А зимой я с жилаём плохо было, и всё ещё только перевозили, оборудовали, отстраивали, а железной дороги ещё не было. Представляете? Я тогда удальную комсомольскую группу предложил создать. Работали, конечно, днём и ночью, сил не жалели. Зато такой азарт у всех был, прямо невероятный азарт. Мы, между прочим, вместо пятнадцати за пять дней все материалы из зоны затопления перевезли.

Помню, надо было обивать фанерой порталы кран. Мо-

роз — лютый! Взялись мы, комсомолцы. К пяти утра весь обшляк, только вертушка осталась. Ком. лезть? Ребята что-то жмуи, никому не охота. Я закутался, пошёл. Ах там не было вертушки, поманули-поманули все шесть листов и пришла. «Вей!» — кричу. А ребята синизу: «Ура!» Только я пришёл домой, «сапоги это разу, прибегает ко мне товарищ: «Ванюшка, айда лунки добывать!» Что ж, пошёл обратно. Лунки — это для взры-чати, тоже ребята неслись! Лунки давали, а грунт мёрзлый, и лунки давали на кострах, не грелась. Опять мы спешим, пускать первый экскаватор в забой к 17 февраля — ко дню выборов.

И, надо сказать, успели! Семнадцатого часа с утра все собрались в сады, сидим, как на жолах, ждём, когда энергию дадут. Всё началось стройкой на тут, и из Ставрополя приехали корреспонденты, поехали дождаться. Все, конечно, возмущены. В два часа дня дали энергию. Комьянов первый ковш поднял, тут и «мазы» подошли, начал грузить... Вот праздник-то был!

Яшкуну замочаю на минуту, встал сразу со скамьи во весь свой хороший матросский рост.

Вот и всё, можно сказать, — проговорила он, обалдевшим вздохнул. — А дальше уже не так интересно. Работа вроде лёгкая пошла, одинаковая, день в день.

— Нет, это именно и интересно, — сказала я. — Расскажите, как вы стали таким отличником машинистом.

— Как стан? Ну... тут долго рассказывать нечего. Идёмте, это по дороге можно.

Мы вышли со стадиона и медленно зашагали по пыльному, разлуженному колёсами автомашин, ухабистому шоссе в сторону посёлка строителей. В обе стороны мимо нас, тяжело громахая, проносились грузовые автомашины. Вечер был на исходе, тёмносерое густое небо уже посперкивало звёздам.

— Я, как первую смену отослал, с Коляновым, вечером ему и говорю: «Я, — говорю, — пашина, через пять дней буду на работе как работник». «Ишь ты, — говорит, — какой быстрый! Самое малое полтора месяца должен учиться». Вот мы с ним и заспорили. А я очень за его работой следил, в самую ничтожность, во всё вникал. Первый день я только двигался — вперёд, назад. Второй день — ковши полыхали, груза в отвал. Но машины ещё боялся. Колянов от меня не шёл, на шёл и не отходил. На третью смену на «маз» погрозил. А на пятый день уже весь цикл быстро делал. Девятого апреля меня уже на самостоятельную работу перевели.

Какую трудность, спрашиваете, были? Ну, разные... Без приёма, например, сперва очень уставали ноги. Печали ведь ты бываешь, жмёшь, жмёшь, потом колени болят. Температуры ничего, ходили мои как чугунные стали. Да футболом тоже тренировка непохожая. А самое трудное было для меня взаимодействие движений. Следил за паромом — забывал про подъём, следил за ковшом — забывал про поворот. Потом и это освоил. Сейчас весь цикл по одному движению делается по норме. Да что ж удивительного матрос кириллице, а машинист не первый класс астронавта? Тут, правда, новые трудности пошли. Ну, да это из этого, как говорится, оперы...

— А какие же всё-таки? — заинтересовался я.

— Да с Коляновым начал воевать. Трудный он старик, нетерпеливый, закатывался провал усталости! Что ни сделаешь, все не так, все не по его. Ворот и ворчит. «Я, — говорит, — для кода в помощниках ходил, а ты уж больно скорый, как бы не споткнулся...» Ну и далее в таком же роде.

Теперь недавно другой случай был. У меня работал стаждёр, нагрузка «мази». Онии грузовой полыхала и стал не так, как обычно: ковши донизили меня через перед машины, а тут она стала задом. Стаждёр не заметил, повёв ковши и кабину чуть-чуть помял. Шофёр высочился, бледный, ругается, давал акт составлять. Я сказал, что стаждёр не столько виноват, сколько шофёр. А Колянов сразу в крик: сажайте, моа, сопляков на рычаги, они тут все технику и айдёя покажут!

— Ну, и далее, думаю, что это он от зависти: даже то, что молодёжь такие успехи делает, стариков обгоняет. Даже то, что меня издала. Откуда, думаю, такие пережитки? Ну, и сам на рогах полез. Разругался с ним. А потом пригадывал — нет, что-то не то. Кричит на меня Колянов, а у самого глаза блестят, смеются. Доселен. Как же, его ученик, а вот поди жё, свой, самого учителя обгоняет! А потом думаю, что боится как бы молодой не зарекался, не испортился. Вот и ворчит, поучает. С утра до вечера. Я же с ним в одной комнате живу.

— Так это Колянов был — пожилой такой, в очках? Дверь мне открыл?

— Ой... кинула Яшкуну. — Только мы теперь его раскусили. Покричит, поворчит, а потом к себе позывает, усаживает и начинает рассказывать. Люблю я слушать его. И все мы, молодые, любим. Большую жизнь прожил старик, много видел, много знает. И машинист первоклассный. У него есть чему поучиться. Вот и учимся. А что и ворчит — пускай его. Строгость на себя напускает, а сам сидит у себя в комнате, ходит.

Задумчиво и пристально поглядывая на котлованные огни, Яшкуну проговорила:

— Растёт, растёт котлованище! Сегодня за ночь я его ещё кубиков на тысячу с гаком освою. Работа сейчас быстро пошла: много машин поборосили. Но, между прочим, работа эта для меня приятная, сказала он. — И ещё, — говорит, — мне так: была турбинистом стать, на турбинах работать, которые здесь будут. Мечты, говорите? А у меня всё мечты сбываются, это уж точно... он улыбнулся мягко и доверительно. — Только им подсказать надо, мечтам-то. И рук не жалеть и сердца, думать о них всё время. Вот они и сбываются...

МОСКВА

Я познакомился с ним на Жигулёвской почте, куда зашёл как-то в воскресенье, чтобы позвонить и написать телеграмму.

Москву. Я нарочно пришёл поздно вечером, рассчитывая, что в эти часы, да тем более в воскресенье, линия не должна быть сильно загружена.

— Москва будет через два часа, — сказала мне молодая женщина, телеграфистка, одновременно принимавшая заказы на сообщения.

Два часа! Ждать два часа на почте казалось невыносимым. Идти домой, в посёлок — далеко. Что же делать?

В то время, когда я удручённо раздумывал, что предпринять, вдруг с шумом отворились двери, и чей-то широкий, раскатистый бас весело заредел за моей спиной:

— Телеграммным работникам мой поклон, Валяш — особое! С воскресным днём вас, дочка! Как Москва, Валяш! А на прощанье!

Обаждать бас оказался пожатым грузным человеком в белой фуражке и белом полотняном костюме — в таких здесь ходят многие.

Выйдя, он очень спешил на почту, даже запотел! и теперь, стоя у барьера, энергично вытирал платком затылок, боковую и вышупал, как у детей, оба толстые щёки.

— Здравствуйте, товарищ Шахов! — сказала телеграфистка, улыбаясь. — А Москва только через два часа освободится.

— Как-ж, дорогущий! — всплеснула руками человек по фамилии Шахов. — Это невозможно, родная! Через два часа — это же час ночи по московскому.

— Куйбышев занял линию, товарищ Шахов.

— Да ты пойми, животное, у нас в Москве в час ночи все метро закрывается! Ты это учишься! Вот я тоже дочурке от телеграфа как в заводу Сталина скажи. И учти, второй час ночи. Ты в Москву съездишь, а?

— Да нет же, товарищ Шахов, — сказала девушка, почему-то вдруг застенчиво покраснев. — Я вот в отпуск мечтаю, под праздник...

— Ну, вот видишь! — воодушевился Шахов. — Тогда тебе, ясно, невдомёк! А расстояние от телеграфа до нашего дома — это, ну... скажи ж, прикинь, как от Жигулёвска до Уфы. Не меньше. — Шахов быстро и обильно возмущая на меня, и, хотя он хвастал в своём сравнении километров пятнадцатью лиша, я утвердительно закивал. — Вот и товарищ поддерживает, тоже москвич, вероятно? Расстояние громадное, чего говорить. И пале к тому — второй час ночи...

— Да что ж я могу, товарищ Шахов?

— Ты постарайся инициативу проявить. Нажми на кнопку телефонистку, пусть она поспешит тебе. Дочка мол, между прочим, тебе ровесница будет, тоже красавица. Ты, Валяш, что-то нынче больно расстрелянная сидишь. Или уж сосватана, никому нравиться не желешь? А напрасно, ты не спешит...

Девушка за барьером прислунало со смеху, солившись их точно друг на друга.

Одним словом, Валяша обещала сделать всё возможное, чтобы ускорить разговор с Москвой хотя бы на полчаса. Узнав, что я тоже ожидаю Москву, Шахов предложил погулять вместе с ним по городу.

— Что одно ждать, а вдвоём поспешим...

Мы вышли из мажорской компании потового отделения на улицу. Небо было затянуто низкими тучами, набежавшими с вечера. Ни одной звёзды не было над головами.

Было безветренно, душно, как перед дождём. От каменных стен домов и асфальта улицы веяло теплом — город медленно оставал после дневного зноя.

Мне нравились этот мажорский рабочий городок, сделанный построенный нефтяниками за последние три-четыре года. Мне нравились его прямые асфальтированные улицы, обсаженные молодыми деревьями, и аккуратные ограды тротуаров, и каменные двухэтажные коттеджи с балконышками, с матовыми лентен на окнах и в дверях. Мне нравились люди этого молодого города — все они казались мне молодыми, энергичными, лёгкими на подъём и удивительно дружными между собой.

На одном просторном перекрёстке мы вдруг увидели танцы. Танцевали под музыку, доносившуюся из репродуктора: одновременно кто-то подпрыгивал на аккордеоне. Молодые пары в белых рубашках и доушки в светлых атлетических кружках, шурша подошвами, прямо посреди улицы, под открытым небом. Свистели в плаутые огоньки папирос, мягко змея дымчик смех, а чуть позади почти неслышимо брочнала гитара, и кто-то, не видимый в темноте, очень чисто и быстро выбивал на асфальте чечетку.

Улица неожиданно перестала казаться улицей — она сделалась похожей на сад...

Я любопытством разглядывал незнакомый город и в то же время почти непрерывно говорил с Шаховым о Москве. Он жалко интересовался всеми последними столичными новостями.

Когда же мы уехали из Москвы — спросил он, увидев, лёгкий тем, что этот москвич не видел даже памятника Пушкину на новом месте.

— Когда? Могу сказать точно... — Шахов поднял голову и с мигнутой молчанием высчитывал что-то в уме. — Семнадцатый с половиной апреля, вот тогда.

— И с тех пор ни разу не бывал!

— Бывать бывал, не часто, правда. А не живу уже семнадцать лет. Как окончила учиться в тридцать пятую год — у техникума кончал, строительною, — закатился на Дальний Восток, потом че-

тыре года воевал, а после войны снова так и пошёл по старым булыжням. На Урале строил, в Монголии, на Коальском полуострове, на Аге, в Николаеве — где только не приходилось. Вот так и буждано и учтиво, настолько привык к бродячей жизни, а главное, к самой строительной атмосфере, если можно так выразиться, что в другой какой-нибудь атмосфере просто-таки дышать не могу. Знаете, форменно болел: тогда это начиналось, скука, апатит терпел. Первое это как что другое, не знала. В сорок седьмом году два месяца у меня отпуск был за два года. Поехал я в Москву, к дочке, там, поверьте, второй месяц не выскочил. Заболел. Укатил в Мончегорск, там тогда строил. У меня была работа специфическая — жыльё строить. Самый дефицит во время большого строительства. Да и понятно, важнейший участок, одно слово — жылапоходка! Востра его нас подгоняют, шпыняют, над душой висят: скорей, скорей! А у нас одно дело: построил дом, обеспечил рабочий класс мотом — и айда дальше по назначению. Какие квартиры, вспоминишь, отдельные! А сам вот, курьёзно, сколько уже лет в бараках. Что ж подавать, профессия такова... Пивка не хотите? Что-то парит ужасно, верно, ночью будет бодр.

Мы выпили у Арыка по кружке теплого густого пива, закурили не спеша и пошли дальше, в гору. Шахов казался озабоченным, усталым, голос его звучал не так раскатысто и задорно, как на почте. Я чувствовал, что он всё время думает о предстоящем телефонном разговоре.

Жизнь у меня, конечно, особая получалась, непохожая на другие. Не знаю, как кому, а мне интересно. И ни на какую иную вот это мотание своё не променяю. А ведь седой стал... — Он снял картуз и медленно вытер платком коротко остриженный, серебристо-блестящую голову. Лицо его, опасенное солдата, сейчас прелесть фонаря, небольшая — дочушка одна. Жена до войны умерла. Дочка у тётки живёт, в Москве, а я в ссылке. Только не в ссуде. И десять лет уже так, с сорок первого... Тяжело? Вот то-то и есть... Дочка, понимаешь, без меня выросла, выучилась — красавица. В этом году институт кончает, верно, уж поспевшая к свадьбе. И всё это мимо меня прошло. Из письма узнаю, раз в год выпису. Вы скажите, легко таким образом жить? Я молча кивнула.

— Нелегко, товарищ, ох, нелегко... — продолжал он глухо. — Иной раз, признаться, глаза грусть подейств... А ведь ничего личного не слышалось. С собой всё таскать невозможно. Живу я, сами видите, кое-как, как придётся. А в Москве у тётки квартира, дочь в хорошей школе училась, потом в институт пошла — какой же резон срыгивать? Так вот и получается, нелегко как-то... Что это я с вами разговариваю? Верно, оттого, что вы тоже москвич. И молодой такой, терпеливый. Слышать умеете. И знаете что? — Он вдруг взял меня за руку и, остановив на середине безлюдной ночной улицы, заговорил полупрошемом: — Грусть, говорю, никому подейств... и душнее: в правильно ли ты жизнь прожил? Мужья, не нудно была вся эта ссуда, раслуки, тревоги? Тем более и года мои не малые, дело уж под гору пошло... Иной-то раз, я говорю, вот так задумываешься... А как вы считаете? Правильно я жизнь свою построил или же неправильно?

Я немного растерялся от этого прямого вопроса. — Можете? — ухмыльнулся Шахов. — Тогда я сам отвечу. Да, правильно построил! Правильно, чёрт возьми, и всё тут! Точка. А почему правильно? Этого сразу не объяснишь. Скажу только: я вот седой был, а душа у меня молодая, и такое самочувствие, точно была жизнь впереди, как у юности. Вот и соображал, что к чему... Ну что ж... Он взглянул на часы. — О, пора нам обратно! Давайте поспешим.

На почте, когда мы пришли, уже не было ни одного посетителя. За барьером сидела в одиночестве Валуша и при свете неяркой настольной лампы перебирала какие-то свои бумажки.

— Ещё раз привет, Валуша, доброй ночи! — прожег своим весёлым и раскатыстым басом заговорил Шахов. — Как Москва? — Где ж вы гуляли так долго? Уже дали нам один раз, сейчас ещё позвонит. Посидите.

— Сейчас позвонит? Вот спасибо, дочка! — обрадовался Шахов. — Значит, слово сдержала, проявила инициативу, молодец! Сидите, москвич, посидите...

Мы сели на скамейку прямо под телефонном. Валуша сбегала на второй этаж и сообщила телефонистке, что абоненты пришли — сейчас дадут Москву, чтобы сразу соединила. Минут через десять телефон наш произвольно заговорил. Шахов вскочил на ноги, сорвав зачем-то фуражку с головы и снял трубку. — Алло! Да, да! Москва! — закричала он, лез в трубку. — Алло, Москва? Да, я... Это я! Здравствуй, Машенька! — голос его вдруг ослаб, он поднял глаза к потолку и заулыбался. — Ну да, я! Прекрасно слышно! Тебе тоже? Как твоё здоровье? Я тоже крепко... Да, да, Конечно, дочушка... Сидела на «отлучке»? Подарила Рад за тебя, дочушка, ничего не ожидала. Не ожидала, говоришь. Да нет, глупенькая, и-ного не ожидала! Иного, понимаешь? А так-то ожидала, конечно... Да у нас всё благополучно...

Не желая смущать Шахова своим присутствием, я поднялся, чтобы выйти из двор. Но Шахов вдруг схватил меня за рукав и потянул обратно. Я сел. Он продолжал говорить, глядя на меня сияющими глазами и, конечно, меня не видя. Вдруг он вольновольно выпрямился, потом сел на скамью и снова встал.

— Что? Не понял. Да... да... Не понял... Как? Ага... да что ты! Правильно, дочка, это замечательно! Так скоро?... Замечательно... Уж конечно, барышня, конечно! Конечно, волат, дочка... Ну... ну... Молодец! Хвалю! Жду тебя! Обязательный! Целую!

Он березно, двумя руками, повисла трубку, посмотрел на меня, потом на Валушу каким-то странным, растерянным взглядом и проговорил тихо:

— Вот, дождись... Машенька ко мне приезжает, а? На работу. Сама вызвалась на великую стройку, говорит... Инженер-энергетик... Дождись, а?

— Какой вы счастливый человек, товарищ Шахов! — сказала телефонистка, спешившись голою набок и улыбаясь нежно, как улыбаются детям.

— Счастливей?.. Да, Валуша, я счастливый. Я сейчас очень счастливый человек... Пойду сейчас... До свиданья! — он пожал руку Валуше, потом мне и вышел, всё ещё не надевая фуражки. Мы остались с Валушей вдвоём. Она долго молчала, задумчиво, и пристально глядя на распахнутое дверь, но тыму, куда ушла сейчас счастливый человек и где черпал теплое дерево и тихо шумел в листья незаметно начинавшийся дождь.

Я его давно звал, товарища Шахова... Он к нам часто приходил — сидел и посматривал на меня ласково. — А сейчас и вы поговорите, товарищ, теперь уж быстро.

ЛЕС — ВЕЛИКИМ СТРОЙКАМ

Фото В. Тёмна

На сотни километров раскинулись знаменитые вологодские леса. Людьми нынче в лесных чащобах. Зимой и летом не прекращается здесь работа. Безумную гудят электромоторы, поют электропилы, с шумом падают сосны и ели; мощные трелёвочные тракторы и лебёдки тянут и погрузят

ным площадкам — связи ровных, первосортных стволов. Гудок паровоза — и очередной состав с древесиной отправляется в путь. Лес идёт на великие стройки коммунизма.

На этих снимках, читатель, вы видите один из участков вологодских лесозаготовок — Семигородный леспромхоз. На этой делнице работает первая молодёжная поточная линия мастера Инолая Поправина.

Совсем недавно — лишь минувшей зимой — организовалась эта поточная бригада; все лесорубы — народ молодой, самому мастеру Поправину всего только двадцать один год — но слава о комсомольской бригаде гремит по всей области. Молодежь трудится дружно, самоотверженно.

В прежние времена рубка леса производилась только зимой. Теперь благодаря новой технике работа идёт круглый год. Молодёжная поточная линия мастера Поправина, став на стахановскую вахту мира, обязалась немедленно отправить дополнительно по 40 кубометров деловой древесины.

Но в первый же день вахты молодые стахановцы-лесорубы заготовили и погрузили около 80 кубометров леса сверх плана.

За весенне-летний период молодёжь поправинцев дал для великих

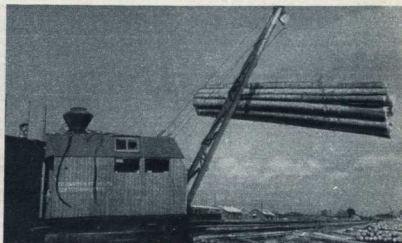
строек 18 тысяч кубометров древесины — в полтора раза больше, чем

назначалось в социалистическом обязательстве, в три раза больше, чем

было заготовлено зимой.

Со станции Семигородия отправляется очередной состав с лесом.

Погрузка леса на платформы паровым краном.

Бригадир первой молодежной поточной линии знатный мастер леса Семигородного лесопрохоза Николай Поправа.

Вдвоем первопролазят свое задание электропилильщик → Афанасий Солдатенков.

Сметикова, одна из лучших обрубщиц поточной бригады.

Лесорубы живут здесь же, в лесу, в специально построенных удобных домах.

Услуга

Басня

Два друга собирались в клуб на бал.
Один костюм сегодня обновлял.
— Взгляни-ка, Сеня... Как?
— Постой, постой! Что за пиджак?
Как будто ничего сидит.
Но на спине немилосердно морщит...
Вот строчка чуть крива...

Поднять бы не мешало рукава...
Сажокни шил, а не портной!
Заметив, что приятель сам не свой,
Семен воскликнул: — Не горюй, Никита!
Неудачно скроено и неказисто шито,
Но дею мы сейчас поправим
Тут чуткоку ушьём, здесь иголку
переставим...
За игожники он взялся, как знаток,
А вот с иголкой справиться не смог.
Семенов закончилась услуга:
Без пиджака он своего оставил друга.

Иной Семен в чужое дею
Поправки вносит горчичо и смело,
Одна беда, как говорит народ:
Распорет ловко, да не сошьёт.

Самодовольный Бегемот

Басня

Не ведай ни беспокойства, ни забот,
Отжелесяный бегемот
В приятном благодушии почил.

Оленью он как будто между прочим
говорила:
— Меня вот солнце никогда не оглаит
лучом,
И туча мимолётная не посечёт дождём,
И овод не укудлит больно.
А лишь потому, что мною все довольны...
— Ничем тебя, приятель, не проймёмся.
Не оттого, что ты хорош, —
Олень ему в ответ.
— А отчего ж?
— Ты просто толстокож!

Рисунки Ю. Фёдорова

Техник-гидролог Куйбышевского гидротехнического института Наталья Рыбанова и начальник гидрологической партии Василий Нищенко за измерения скорости и направления течения реки.

Фото Д. Шоломовича

ПРАКТИКАНТЫ

Группа студентов Куйбышевского гидротехнического института приехала в Комсомольск-на-Волге для прохождения строительной практики на Куйбышевской ГЭС. Все они односторонники.
В Управлении они встретили ещё троих практикантов. Это были студенты архитектурного отделения Ленинградского инженерно-строительного института. И, как всегда бывает в таких случаях, студенты быстро подружились.

Поселились все вместе в небольшом, сверкающей новизной домике на окраине соснового леса.

На другой день после своего приезда молодые практиканты стояли каждый на своём посту. Ленинградцам, как будущим архитекторам, поручили внутреннее оформление Дома культуры, школы, яслей. Куйбышевцев — Юрия Ильичева и Виктора Пенякова, — как четверокурсников, поставили руководить работами по сборке металлического каркаса. Борис Травин оказался в помощниках у лучшего прораба по строительству восьмиплановых домов комсомольца Григория Полкова. Молодые люди быстро сдружились. Год тому назад Григорий Полков был тоже студентом, тоже ездил на практику, и потому он отлично понимал душевное состояние своего молодого помощника.

Здесь, на стройке, студент впервые получает производственные навыки.
— А ты знаешь, — смущённо признался однажды прорабу Борис Травин, после того как на его глазах в течение пяти дней вырос дружелюбный дом, — ты знаешь, я, кажется, сухую штукатурку несколько недооценивал...
— Ты просто её ещё не видел, — спокойной ответил Григорий Полков. — Знаю о ней на учебнике или на лекции, а что, как видишь, оказалось маловато...

Но не все практиканты трудятся непосредственно на строительстве. Куйбышцу Ариадну Звеву, например, досталась несколько своеобразная работа: он копирует сложные чертежи гидротехнических сооружений — судорожных шлюзов.

В распоряжении оного Управления, где за большой чертёжной доской расположились Ариадн Звев, доводится мерное гуление экскаваторов, подготавливающих фундамент для нового дома. Видна длинная цепь порывистого крика, поднимающего на леса одущей школы жизни с красным ширинком. Ариадн немного заводит своим товарищам. На строительстве можно провистать какую-то сумасшедшую, ввести какое-то своё предложение, ещё более ускоряющее темпы работ. А вот ему, Ариадну, приходится сидеть и копировать чертежи. Но чем больше думает о своих обязанностях Ариадн, тем больше становится он и убежденно, что и это — очень нужное дело. Размноженных чертежей доводятся инженеры, прорабы, десятники.

Вечером, когда практиканты собираются в своём маленьком домике, начинаются бесконечные разговоры о минувшем дне.
— Чужесово адские! — метастольно начинает рассказывать товарищам ленинградец Илья Поттораций, которому поручена художественная лепка потолка Дома культуры. — Сегодня заночный фойе и коридоры. А вот для люстровой розетки надо найти что-то совсем новое. Представляете, как засклет этот дом снова сосны? Мне кажется, что он будет видеть даже с моря. Сморщит!

Илья выславывается в осы и широким жестом показывает на долину, переходящую дальне в берег Волги. Высокие прибрежные томет в голубой дымке.

Евгений Поттораций не только архитектор — он хорошо рисует. Не только его ищетая стройкой деревушка Куменни и нового города Комсомольста вызывает искреннее восхищение студентов-практикантов. Деревушка эта доминанте последние дни. Память о ней останется разве в альбоме молодого ленинградца.

Л. ФЕДОРОВА

Дмитрий ХОЛЕНДРО

ПЕСНЯ

Рассказ

Самна не видно, оно где-то за степью, но часть неба озарена его ярким светом, и непонятно, что происходит: угасает день или начинается. Эти холодноватые осенние вечера по-своему хороши. После жаркого дня — много свежести, безветренный воздух сух, и тихо, так тихо, что, кажется, за сто вёрст слышно.

Не всем, однако, дано счастье слышать так далеко!

К Лене вместе с тараканьем далёкого трактора доносится с поля и песня. Ей хочется слышать эту песню, и пусть звуки, долетающие сюда, неясны, невняты, как отдалённое эхо, которого, может быть, и нет на самом деле, она что-то слышит.

Иван Семёнович глуховат — он не слышит ни песни, ни трактора. Старик служит сторожем в колхозном саду, где обычно и работает ночь. Но с тех пор, как взыали за большой мост через ручей, Иван Семёнович держится поближе к месту стройки, а Лена пришла сюда, потому что рядом участок молодёжного звена, который девушки и ребята, вырастившие небывалый урожай фруктов, решили охранять сами.

Оба — Лена и старик — сидят на толстом бревне. Для будущего моста брёвна навезли целую гору. Вся долина с деревнями, толпищимися по берегам ручья, видна до самого села. Слева и справа — холмы и небо. А сзади — степь, отгороженная тонким забором лесной полосы.

Оттуда к ручью не спеша спускается дорога. Оттуда, если прислушаться так же чутко, как Лена, долетает и песня.

— Дедушка... — говорит Лена.

— А?

— Вы песню не слышите? Нет?

— Когда радио играет, слышу.

Лена, смеясь, трясёт головой, и длинные курчавые выгоревшие на солнце волосы её качаются над плечами.

Нет, это не радио. Это тракторист поёт, он теперь всю ночь напролёт будет пахать и петь, а Лена будет слышать его, хотя из-за шума трактора невозможно разобрать не только слов его песни, но и самой мелодии. О чём он так заливается?

Уверены, что любовь хозяйничает весной, — чья-то гауная выдумка. Меньше всего интересуетесь любовью, зима стоит на дворе или лето, цветут деревья или ветер палит от снегом. Лена не побоялась бы прийти сюда и в дождь и в бурю.

— А кто поёт? — интересуется Иван Семёнович.

— Не знаю... Наверно, Шувалов...

— Кто?

— Коля, я говорю, похоже... Шувалов!

Голос у Лены вздрагивает, старик же равнодушно вытряхивает из поматой пачки папиросу и закурижает.

— Шувалов... Из молодых?

— Ага...

— Неважный тракторист. Весной у него трактор поломался, целый день простоял...

— Это давно уж было!

— Он и сейчас, говоришь, поёт за рулём! А нормы, увидишь, не даст...

Разговор обрывается, и Лена обнаруживает, что, пока они болтали, песня исчезла, и начинает искать её. У неё такое ощущение, будто песня привязана к ней живой ленточкой, слабенькой, как, по правде сказать, и её надежда на любовь Шувалова.

— Увлекаешься? — вдруг с усмешкой спрашивает старик и подмигивает.

Она краснеет и не отвечает, застигнутая врасплох.

— Васка Носов, дьявол, тоже здорово поёт, — продолжает Иван Семёнович. — Как зайдётся, я смотрю, сейчас жила на шее лопнет... Нет, вывертывается!

Полные, крепко сжатые губы Лены выражают презрение.

— Да!... — усмехается и она. — Вот ваш Васка действительно бегает от работы из одной бригады в другую...

— Не увлекаешься? — переходит на серьёзный тон старик.

Вот же досада! И нужно этому старику целую ночь торчать здесь, возле неё! Спал бы себе в тёплом доме, право же. Ну, какой из него сторож! Глухой! Смешно даже, честное слово. Только вечер испортил...

А Иван Семёнович швыряет в ручей окурки и строго приказывает девушке:

— Ступай домой!

— IT! — удивляется Лена, расширяя глаза.

— Ну да.

— Почему?

— А чего тебе здесь делать? — ворчит старик. — Выдумали какие-то посты... Караульщики! Знаю я теперь, зачем ты сюда ходишь...

Он отгадочно понял, почему уже третий раз за неделю встречается здесь с Леной, охотно замещающей подружку на этих ночных дежурствах. Будто бы он, старик, опытный сторож, без них не обойдётся...

— Никак да не пойду, — торописто произносит Лена, пробуя убаюхать, но по лицу её видно, что она готова заплакать, и, подумав, Иван Семёнович недовольно вздыхает и смывает: «Ну, сиди...»

— Свет дали, — говорит Лена.

Вместе с сумраками навстречу морюму, как бег ручья, рокотану трактора из-за сада поднимается всесый строкт аэро-тростанции, и тотчас же вспыхивают лампочки на столбах, вдоль улич невидимого села.

— Сейчас радио вклучат, — прибавляет старик.

И действительно, в мгновение пустоте вчераше раздаётся:

— Слушайте, концерт венгерской музыки...

Звонкие аккорды рояля обрушиваются на село, на сад и на степь... Из Москвы передают выступление венгерских артистов. Иван Семёнович долго слушает и потом кивает через плечо в сторону лесной полоски:

— А он что, знака не подаёт?

Лена едва заметно покачивает головой.

— Я тебе одну историю рассказываю, — говорит старик, подгибаясь поближе к девушке. — Обязательно даст понять, без того не бывает, не бойся... Да... Так вот, слушай... Это было давно, но в наше время... Служил я тогда у одного помещика садовником. И вот этот самый помещик убавился...

Он ухмыляется себе под нос и продолжает:

— Я её не видал, конечно, какая она, хорошая или плохая. Должно быть, для него хорошая была... В общем она приехала к нему. Гости прискакали, и она тоже. Шла, гуляла, а потом усталась спать. Уже тихо стало, и вдруг от меня вызывает. А я уже говорил тебе, я у него в саду работаю. Да... Зачем зовут? Ну, ладно. Я иду...

Старик делает маленькую паузу.

— И что ты думаешь, он мне предлагает?

Лена даже не пытается догадаться, она только робко пожимает плечами.

— Он мне показывал: «Видишь окно? Я: «Виджу». «Там сейчас моя невеста спит. Понятно? Конечно. А чего же не пойдёшь? «Вот», — говорит он мне, — иди в сад, выбери такую черешню, чтобы была цвела, вырой и посади под этим окном». Поняла? Ночью. Тихо, чтобы она ничего не слышала. А утром проснулся и увидел черешню в цвету... Под своим окном...»

— А вы что? — торопит её Лена.

— Я сказал: «Сделаю». Он мне пообещал: «Получишь рюмку». Ладно. Я взяла лопату, пошла в сад. Отыскала черешню, такую хорошую, как надо! Я же все их на память знал... Садоводом работал... А как раз весна была, черешни цвели... И начал я рубить. Долго рыл, устал. Одному вырыть дерево не шутка, да ещё надо воду с толком вырыть, чтобы оно не погибло, а росло на новом месте. Как же! Жалко дерево...

— И посадишь? — нетерпеливо перебивает Лена.

— Посадишь... Да только не у него.

— А где же?

— У своей бабушки Насти под окном!

— Верно?! — Лене и радостно и не верится.

Зачем мне рубить тебе, Ленка? Не веришь — пойдй у неё самой спроси. Она правду скажет... Несу я эту черешню, и так

мне сделалась тоска — большое дерево, и на душе у меня тяжёло, кошки скребут... «Ах ты, — думаю, — хочешь, чтобы я свою любовь украл? Ты счита, а я вам черешню сажай? Не будет этого! Сам сажай, если любишь...» И взяла да прямо к Насте и повернула. Принёс и посадила, да... Вот как я ей знак подаю...

Вся захваченная подлингом чужой любви, Лена слушает и хорошо представляет себе, как утром ахнула от неожиданности и обомлела тётя Настя, увидев цветущую черешню перед своим окном, и лишь плохо укладывается в её голове, что и тётя Настя и Иван Семёнович были тогда другими. Ей обидно, что такой шушпал старик с морщинистым бритым лицом и маленькими глазами, спрятанными под заросшими бровями, на своём плече принёс цветущую черешню к любимой, а Шувалов, он, молодой и рослый, ссам бы захотел, мог весь сад перенести к Лене...

Эта мысль неожиданно смещает её. Вещь сажай? Ого! Она не позволяла им ему сломать и веточки. Сколько она вместе с подружками ухаживала за каждой грушей, сколько деревьев они спасли от гибели и заморозки, когда по всему саду жгли костры, а сколько посадила молодёжины. Эти были особенно крупные, от них не хотелось отходить, а теперь они выткнулись, выткнули сильные ветви! Все принались. Попробовала бы он хоть одно пальцем тронуть!... Кроме своего прочего, она ведь сторож!

Пусть растут груши...

А где песня? Её так и не слышно... Сначала её заглушила радио, но уже утихла и звучные струны радио, повело прохладой от ручья, а потом закричала потух. До самого рассвета летушки пронзительно перекалялись в селе и будили недовольных дворяншек.

В ту минуту, когда снова вдруг становится тихо и небо начинает злестись, песня послышалась за спиной Лены. Всё ближе, ближе... Теперь даже Иван Семёнович слышит её. Лена не выдерживает и отбегивается.

Убавляясь, невозможно неужело и близзко к ним идёт Николай Шувалов. Он не доходит до берега, а останавливается на бетонной стенке, сделанной для нового моста, и говорит:

— Дед, я две нормы дал...

И проклинается.

— А? — переспрашивает Иван Семёнович.

— Две нормы...

Волосы у него на макушке растрёпаны, а впереди свисают от пота. Круглые лицо расплылось в улыбку, усталые глаза сияют и сияют не смотреть на Лёну. Дед лениво машет рукой, встаёт с бревна и уходит в сторону сада, ничего не расслышав или не поверив Шувалову.

Одинадцать текстов! — крикнул тот ему вскожу.

А Лена смотрит на Николая и не верит, что он пришёл сюда, и улыбается ему. Она не виновата, что у неё такое открытое лицо, но может спрятать радости.

Шувалов вытирает руки, словно только что сошёл с трактора, и ищет смотреть на Лёну.

— Две нормы! — высоким голосом спрашивает Иван Семёнович, неожиданно поперушившись. Он ещё раз с весёлой усмешкой машет рукой и шагает дальше меж деревьев, которые становятся всё виднее; они кажутся под утренним ветром.

Солнце ещё не показалось, но половина мира быстро светает. И становится яркой-яркой...

Иван ФРОЛОВ

*Китайская
ваза*

Ему китайцы
посылали
вазу...

И до того ж
на ней узор хорош,
Что подойдётся —
и зачарует сразу,

Да так,
что целый день
не отойдёшь.
Но есть в народе
правило такое:
Чтоб друга жизнь
была полным-полная,

Нельзя же вазу
посылать пустую.
— Наполним рисом,
Мерок пять зерна

Послаб тому,
Кто побеждает горе.
Кто сеет радость, — говорил народ, —
Вот сколько будет
в этой вазе зёрен,
Пусть столько лет
и Сталин проживёт!

г. Варнаул.

Нина ПАВЛОВА

Осень

Красит осень клёны смелой кистью
В тёплые, весёлые цвета,
Над землей, кружась, летают листья,
Солнечными зайчиками стая.

В институт спеша осенним парком,
Я учусь у осени писать,
Чтобы так же солнечно и ярко
О любви, о счастье рассказать.

г. Ташлин.

Михаил ЛАРИН

*В кожаном
клубе*

Ожил экран — и стало тихо в зале.
И вот увидел агитром и смеловою.
Как на трибуне Мавзолея Сталин
Движением руки приветствует народ.

Поёт экран.
Москва в кожаном клубе!
Стучит проекционный аппарат,
И коньки дед Андрей в дубленной шубе
Пробрался в самый первый ряд...

Парад окончен.
По ступеням
С трибуны Сталин сходит.
Мавзолей...
И салют отенное:
«Ленин»

И в клубе от него светает.
И в этот миг, когда рукопашескали
И был готов восторг сорваться с губ,
Мне показалося,
Что с экрана

Сошёл
Сталин
в кожаный клуб.
г. Киев.

Вера Савосина, одна из лучших стахановок Московской обоевой фабрики.

Фото А. Устинова

Николай Мартыненко, молодой педагог, недавно окончивший Кишинёвский университет, рассказывает детям о родной Молдавии.

ПРИДАНОЕ

Рассказ

Скорый поезд «Ашхабад — Москва» подошёл к большому вокзалу.

— Товарищи, это город Чкалов! Здесь в буфете подают чудесные пельмени. Настоящие уральские!

Наш сосед по купе инженер-нефтяник Дмитрий Сергеевич Богатырь оторвался от шахматной доски и подал мне пальто.

— Пойдёмте! Пётр Ильич, а вы?

— Нет! Нет! Что вы! — отчаянно отмахнулся от нас седой агроном. — Вы идите, идите, а я тут в пшенице подумаю.

Уже целый час думал он, склоняясь над шахматной доской. На линии «в» стоял его одинокий король. Единственные две пешки находились далеко впереди, в чудом сохранившийся сады в правом углу ничем, кажется, уже не мог помочь королю, которому угрожал ковь и лады «противника».

Мы оставили шахматиста и отправились в ресторан. Но отведать уральских пельменей нам было не суждено. Совсем неожиданно мы стали участниками небольшого происшествия.

У входа в вокзал выскочила груда свёртков, картонок, чемоданов, больших и маленьких, среди которых стояла девушка, видимо, очень огорчённая. Лицо её раскраснелось, пуховый платок развязался. Мы хотели обойти стороной эту вещь, но громкий разговор девушки с дежурным по вокзалу привлек наше внимание.

— Я должна ехать в Бузулук с этим поездом! Должна! — горячилась девушка.

— Гражданка, я вам уже десять раз объясняла. Этот поезд все билеты проданы. Хотите? Следующий идёт через шесть часов, вот и уедете. — Дежурный сизя красную фуражку и вытер большим платком взможенный лоб.

— Я должна ехать сейчас! Мне к восьми часам нужно быть в колхозе «Победа». А до него от вокзала ещё 35 километров. Ну как вы не понимаете?

— Гражданка, я уже вам объясняла...

— Да не могу я, не могу через шесть часов... перебила его девушка, — я же на свадьбу опоздаю!

— Что поделаетесь? Погуляют без вас, — спокойно ответил дежурный и повернулся, собираясь отойти.

— Как же без меня? — удивилась девушка. — Постойте! Без меня нельзя, этого невозможно!

— Всё возможно. — Вы с ума сошли. Как же это? Ведь я невеста! — воскликнула девушка и умоляла. — Невеста я... — тихо добавила она и опустила на чемодан.

Мы увидели, как саём крупными светлыми жемчужинами, отрывались от тёмных ресниц, одна за другой покатились по её лицу.

Дежурный растерянно смотрел на плачущую девушку, явно не зная, что предпринять.

— Я же на свадьбу, на свою свадьбу опаздываю, уже засклавая, проговорила девушка. — Ой, товарищи, что же теперь будет?

— Как что будет? Свадьба будет! — вдруг решительно заявила дежурный. — А ну, гражданка, — обратился он к нам, — помогите-ка! Берите невесту, берите приданое и быстро к поезду. Я сам сейчас договорюсь с главным козакунта. Как же, разве можно свадьбу без невесты играть?! — И, глубоко нагнув фуражку на лоб, дежурный быстро зашагал по перрону.

Прекрасно! Прощу невесту к нам в вагон! — крикнула Дмитрий Сергеевич, и мы, забыв про пельмени, подхватили под руки девушку, потащили её чемоданы, свёртки.

— Пожайлуста, сюда! — Дмитрий Сергеевич широко распахнул двери купе.

— Тшш! Тшш! Пожайлуста! — противу над шахматной доской рух, взмолился Пётр Ильич. — Я сейчас вам покажу, я придумал ге-

нальный ход... Вот смотрите... Я пойду слоном сюда...

— Никуда вы не пойдёте, принимайте лучше приданое!

— Какое приданое? Позвольте! Дмитрий Сергеевич, что вы делаете? Вы сбили все фигуры...

Ничего не понимая, старик сдержко кричал, а на диван, где лежала шахматная доска, воздурим вынудил чемодан, потом белый огромный узел, картонок, свёрток и ещё свёрток...

— Это — безобразно! — кинулись Пётр Ильич.

— Что вы, Пётр Ильич, какое же это безобразие, это — великокопное приданое... вот невеста!

— Ваша невеста?

— Нет, не моя.

— Не ваша?.. Ничего не понимаю. Почему же вы погубили мой гениальный ход? Почему!

— Извините меня, это я виновата, — просто сказала девушка, взошла в купе. — Давайте познакомимся. Я Александра Егоровна Журавлёва, из колхоза «Победа», Бузулукского района.

— Очень приятно. Агроном Шелестов, селекционер, — проговорил Пётр Ильич, и нахмурил себе лобные брови, отвернулся к окну.

— Хотя, пожалуйста, как вы сказали? — незаметно отглынувшись, спросил Пётр Ильич. — Из какого района? Бузулукского? Позвольте, позвольте...

— Это у вас вырашивают твёрдую Оренбургскую пшеницу... У вас? Тогда прошу. Всё вам покажу, Александра Егоровна. Это же превосходная пшеница! Да-с! Она не раз получала международные золотые медали, — сказал Пётр Ильич и гордо поглядел на нас.

— Так вот же она, — Александра Егоровна показала на кучу свёртков. Вербину её вечнола раскрывалась картонка, из которой выглядывали блестящие золотые лакированные туфель.

— Извините, не понимаю.

— Чего же тут не понять? Я припешенный работаю, мой брат Сергей — тракторист. Насти — сестра — в полевой бригаде. Мы трое на

свои трудности получили семьдесят центнеров пшеницы. Ведь нам же столько не нужно! Понимаете? Вот и выделены две тонны зерна на мою свадьбу. Продали пшеницу. Я поехала в Чкалов и купила себе всё это приданое сразу...

— Видите, Пётр Ильич, а вы говорили «безобразно», — укоризненно сказал Дмитрий Сергеевич.

— Приношу извинения. Действительно, прекрасное приданое!

— Знаете, мама у меня всё горела: «Вот девушкам раннее приданое родители копчили, а у нас отец погиб на войне, мы тебе, дочка, ничего не пригостила». А зачем копить? — говорю я ей: — Вот сама заработала, поехала и купила всё, что мне нужно. Всё сразу! Хотите покажу?

Александра Егоровна развёртывала перед нами свёртки один за другим. Тонкие тюлевые шторы, расшитые покрывала, белё, платки шелковые, платье шерстяное, большой платок...

— Это маме. А это коринчевое платье — подарок сестре Гале, она у нас в педагогическом техникуме учится...

Вдруг из свёртка выпала большая кукла и выскользнула, покотилась по полу красно-синий мяч.

— А вы, Александра Егоровна, записавшая хозяйкой будете, — подавая мяч, засмеялся Пётр Ильич.

— Не себе это я, — смущившись, покраснела девушка, — это племяннице Людочке, дочке Михаила. Он механиком в колхозе работает. Новый дом построил...

Александра Егоровна радостно оглядела нас, своё богатое приданое и, очевидно, желая поделиться со всеми своим счастьем, сказала:

— Я очень прошу вас, поедете ко мне на свадьбу! Ведь это просто. В Бузулуке меня на машине встретит Николай... это мой жених. Он шофёр у нас работает. Тридцать пять километров мы минут за двадцать проедем. Погуляем на свадьбе, а завтра вас на вокзал к поезду отведу, и вы поедете дальше. Ну, пожалуйста, очень прошу!

Граница

Здесь граница,
Песок да суглинок,
Да поблекнувших трав желтизна.
Два пространства,
Два мира
Раздвинуты.
Набегает на берег вола.
Это здесь, на морях-океанах,
Начинается день молодой.
Это то, что на картах и планах
Обозначено четкой чертой.
Дальний, берег морской Державы,
Красный флаг над священной землей,
Ничего нет почтительней,
Чем право
Охранять её труд и покой.

Мы —
Простые советские люди —
Видим всё за своим рубежом.
И сильней
Нашу Родину любим
И надежней
Её бережём.

г. Витебск.

Владимир ОРЛОВ

У слияния двух рек

Стоили мы на берегу высоком
Под алым стягом разгоравшейся зари,
А перед нами плавни и широко
В Амур вливал воды Сунгари.

Какой простор! Величие какое!
Река китайская, пришла из горных стран,
Сливалась здесь с амурскою водою,
Чтоб вместе выйти в Тихий океан.

Мы долго меж собою говорили,
И новым светом озарён был край...
Как Сунгари с Амуром воды слила,
Так с нами сама свою судьбу Китай.

Амурская область.

Виктор КИСЕЛЁВ

Срочный маршрут

Здесь не гремела музыка оркестра
И не было речей и громких фраз.
Но люди забывающего разбега
По-своему откликнулись тот час.
Бригады грузчиков привычно, ровно
На все платформы уложили груз —
Оборонные строительные брёвна.
И кто-то, не тая горячих чувств,
Старательно уверенной рукою
Сквозь надписи вывел на доске:
«Привет стахановцам великих строек!»
И машинист в зелёном огоньке
Сверхкушного задорно светогора
Увидел отравления сигнал.
И, на подьёмах не сбавляя скорости,
Маршрут досрочно к станциям приехал.
Лом ждал его значительный до блока
Локомотив — горячий, скоростной.
И новый машинист платформы с лесом
Повёл ещё быстрее на Гидрострой.
По всей державе — от сибирского дала
До шумной стройки на Днепре-реке —
Простые люди с гордостью читали
Приветственную надпись на доске.
Маршрут по главной магистрали быстро
Лёгша через отдалённые поля.
А ночью спрашивали у машиниста
О том маршруте
прямо из Кремля.

г. Иркутск

Первый образец подземной лодки у горы Благодать.

Подземный вездеход

ЖИВОЙ БУР
На экране рентгенаппарата виден движущийся скелет крота. Он быстро перебирает передними лапами. Череп зверька равномерно поворачивается то в одну, то в другую сторону. Эти движения напоминают работу сверла. Задние конечности время от времени поджимаются и с усилием проталкивают валоподобное туловище вперёд. Длинные и узкие лопатки сдвигаются и раздвигаются...

Стоящие у экрана инженеры и конструкторы внимательно наблюдают за работой крота в длинном ящике, набитом утрамбованным суглинком.

Зачем такой опыт понадобился инженерам? Разве недостаточно изучен крот естественными телами? Но инженеры подходят к этому зверьку со своей точки зрения: они изучают рабочие органы крота. Так же как строители самолёта изучили механизм полёта птиц, а строители подводных лодок — особенности крола, так и создатели подземного аппарата нашли свою живую модель в кроте.

Опыты, поставленные по инициативе инженер-конструктора Александра Требелева, показали, что это небольшое животное является идеальным живым буром. Все его органы отлично приспособлены для непрерывной подземной работы. Крот в пористых почвах — глине, суглинке, чернозёме — продвигается со скоростью до двух метров в минуту. В быстрой проходе с ним не могут состязаться даже самые мощные штанговые буры.

Но больше всего заинтересовала конструкторов подземного аппарата одна особенность крота. Известно, что при проходе тоннеля закрытым способом выработанный грунт приходится всё время удалять наружу. Крот этого не делает. Сокращая и расширяя свои сильные шейные мускулы, он вжимает выбуренный грунт в стенки скажины. При раскопке ходов крот оказался, что объём земли, выброшенной из скажины, совершенно незначителен по сравнению с величиной подземной выработки. Зверёк словно соединяет в себе профессии проходчика и крепильщика: продвигаясь под землёй, он оставляет за собой готовый тоннель.

Все эти свойства и особенности крота и привели к тому, что он был избран живой моделью первого в мире подземного вездехода.

РОЖДЕНИЕ НОВОЙ НАУКИ

Летом 1947 года на древнейшем уральском руднике, на горе Благодать, произошло событие, которое, без сомнения, войдёт в историю отечественной техники: Ясным, погожим утром группа инженеров, ра-

бочих и научных работников собралась у подножья горы. Взоры всех были обращены на сигарообразную машину, снабжённую переди мощным буром. Сзади неё виднелись своеобразные плавники-домкраты. Конструктор машины через боковой люк пробрался на место водителя. Загудели моторы, и подземный корабль стал углубляться в гору.

В первый день испытаний подземная лодка — так окрестил её автор — прошла один метр. На второй день она углубилась в землю на два метра, а третий — на пять метров. Лодка вошла в грунт и скрылась...

Первый образец лодки был снабжён вращающимся вокруг корпуса шнеком, который вжимал выбуренную породу в стенки тоннеля. Шейные мускулы крота стали одним из важных узлов конструкции подземного корабля.

На свет появлялась новая наука — терродинамика, и основателями её были советские специалисты. Нашим инженерам пришлось решать ряд совершенно новых научных и технических задач. Американец Тайлер утверждал, будто усилия резания одинаковы при любых скоростях. Советские люди опровергли это утверждение. Они доказали, что на больших скоростях усилия резания падают. Чем быстрее работает станок, тем относительно меньше требуется мощность. Это открытие сыгра-

Конструктор подземного вездехода инженер А. И. Требелев.

ло-решающую роль в создании подземной лодки. В первом действующем образце были установлены всего лишь соренасильные моторы с большим числом оборотов. Это позволило сделать лодку более лёгкой, подвижной. Конструкторам пришлось также решать и проблему уплотнения различных видов грунта без удаления выработанной земли из тоннеля.

Накапливая всё новые факты, терродинамика непрерывно растёт и развивается. Недалёк тот день, когда новая наука даст возможность осуществить подземную навигацию и георазведку на больших глубинах.

В одном из цехов московского завода Мосгазстроймеханизации строится сейчас третья по счёту подземная лодка. Она уже гораздо лучше, совершеннее первых двух. С постройкой этой машины, названной рабочими «московской лодкой», проблема создания подземно-подвижного аппарата вышла из стадии первоначальных опытов.

Московская подземная лодка будет использоваться для практических нужд городского хозяйства Москвы: для прокладки газопроводов, теплосетей, коллекторов и других подземных коммуникаций. Сейчас для производства этих работ приходится разрывать улицы, нарушать движение. Подземная лодка даст возможность делать всё это закрытым способом.

МЧТА СТАНОВИТСЯ ЯВЬЮ

В ящике письменного стола инженера Александра Требелева хранится почтённая грамота Московского городского комитета ВЛКСМ, в которой написано:

«Требелеву А. И., конструктору подземной лодки, инженеру МЗМА, в связи с 30-летием ВЛКСМ за активную работу по воспитанию молодёжи».

Работа на Заводе малолитражных машин, А. И. Требелев сумел зажечь молодёжь идеей создания подземной лодки. Комсомольские бригады после работы часто оставались в цехе, чтобы помочь ему готовить детали новой машины. Своими силами они оборудовали не-подалёку от завода площадку, где испытывался «металлический кроль».

Известный командир партизанского отряда П. Игнатов в своей книге «Записки партизана» рассказывает о мечте своего сына Геня.

«Мой вездеход,—думал Геня,—будет путешествовать под землёй... Теоретически здесь нет ничего невозможного. Ведь существуют же шупы у московских метроостровцев, которые прорывают землю. Ведь давным-давно известны буровые инструменты. Так почему же не может быть вездеход, у которого впереди будет мощный бур? Может, конечно, и будет. Непременно будет!»

Одним словом, я полечу на своём вездеходе на Дальний Восток, у Якутска я спущусь под землю и возьму курс на северо-восток. Я пройду под Верхоянским хребтом, я переверну под землёй Юкагирское плато и выйду на поверхность у бухты Провиденция.

В моём вездеходе окно из бронированного стекла, над ним мощный прожектор. Я сяду у окна и увижу всё, что лежит в земле: каменный уголь, железную руду, медь, серебро и в белом кварце золотые жёлки. Все свои драгоценные клады покажет мне земля! Особым прибором я засеку их координаты и, вернувшись в Москву, положу на стол точную подземную карту... Какой богатой, какой могучей станет наша страна! На Дальний Восток пойдут горняки добывать уголь, железо, золото, серебро, а мой вездеход уже будет искать новые клады в Таджикистане...»

Славный советский юноша Геня погиб, но мечта его близка к осуществлению.

Будущие подземные лодки, как мыслит их конструктор, будут снабжены рядом приборов, необходимых для слепого вождения: золотом, жирокомпасом, дифференциальными. Питание моторы станут получать от аккумуляторного узла, как в подводной лодке. Через особые люки экипаж, состоящий из водителя и штурмана, сможет на ходу брать пробы породы. На случай аварии в лодке будет запас кислорода. Можно будет управлять машиной также с поверхности посредством пульта с телемеханическим устройством.

И. ШМУРАКОВ, Л. МАГИД

Ещё весной под руководством своего тренера, заслуженного мастера спорта А. Карпова, начал готовиться к зимнему спортивному сезону выдающийся лыжник москвич Владимир Олешев. Бег, ходьба, гимнастика, треля входили в программу занятий. На снимке: Владимир Олешев с группой молодых лыжников на тренировке в Сокольниках.

Фото М. Боташева

Юный охотник Юра Карцев (слева) и стрелок Пётр Фёдоров частенько тренируются на стенде.

У НАС В СЕРПУХОВЕ

Фото М. Боташева и Е. Умнова

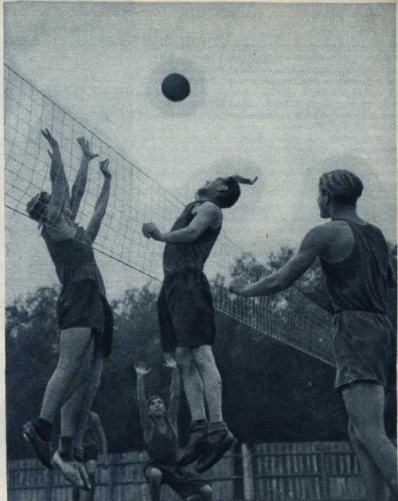
Серпухов находится в ста километрах от столицы. Молодёжь этого небольшого подмосковного города живёт полноценной жизнью. После рабочего дня одни торопятся в школу рабочей молодёжи или на курсы, другие — в клуб, третий — на лекцию. И все они обязательно бывают на стадионах.

Не будет преувеличением сказать, что для большинства молодёжи нашего города занятия физкультурой, спортом стали такой

же потребностью, как посещение театров, кино, клубов, как чтение книг.

Около тринадцати тысяч человек регулярно тренируются и совершенствуют своё спортивное мастерство в многочисленных секциях физкультурных коллективов. На фабриках, заводах, в учебных заведениях и учреждениях насчитывается шестьдесят восемь таких коллективов.

В городе имеются два стадиона, более пятидесяти спортивных

Волейбольная команда 2-й ситценабивной фабрики на тренировке. По мячу бьёт капитан команды Александр Хухочкин.

площадок, стрелковый стэнд. У нас есть мастера спорта, чемпионы РСФСР, Московской области. Недавно наша планеристка Анна Самосадова установила новый мировой рекорд.

Запасы всех физкультурных дел — комсомольцы. Благодаря их настойчивости, энергии спорт стал достоянием всей молодёжи. В первых рядах физкультурников — комсомольские активисты. Секретарь комитета ВЛКСМ Кон-

надать команда, по футболу — сорок две, по волейболу — тридцать две, по лёгкой атлетике — пятьсот человек.

Зимой юноши и девушки встанут на лыжи, коньки, возьмут в руки хоккейные клюшки. В злате и на открытом воздухе будут продолжать тренировку легкоатлеты, волейболисты, баскетболисты.

Н. БАБИН,

секретарь Серпуховского горкома комсомола.

Искусный мотоциклист — заслуженный мастер спорта Константин Матюшин воспитал группу мотоспортсменов, которые теперь успешно выступают во всесоюзных соревнованиях.

денсаторного завода Анатолий Тимофеев — капитан футбольной команды, успешно выступающей в розыгрыше городского первенства; секретарь комитета ВЛКСМ 2-й ситценабивной фабрики Александр Хухочкин — капитан волейбольной команды; секретарь горкома ВЛКСМ Анатолий Макаров — неперемный участник стрелковых соревнований. Личным примером они увлекают молодёжь в занятия спортом.

Вся работа в коллективах ведётся, как правило, общестественными инструкторами. Инструкторы — общественники — это наиболее квалифицированные спортсмены, горячо любящие физкультуру. Весь свой досуг они посвящают подготовке молодых легкоатлетов, лыжников, мотоциклистов, фигуристов, баскетболистов, конькобежцев. Они сами выступают, а за ними тянутся их ученики. Все вместе они дружно отстаивают честь коллектива. Поэтому каждое состязание собирает большое число зрителей и проходит в острой борьбе.

Минувшим летом в первенстве Серпухова по баскетболу участвовало три-

Фигуристка Серпухова, используя последние дни уходящего летнего сезона, сдала нормы на значок «ГТО». И с ней вместе работница трикотажной фабрики Мария Кондрашева преодолевает попусы препятствий.

Последняя встреча на Кубок СССР по футболу. На столичном стадионе «Динамо» играют московская команда ЦСКА и команда города Калинин. Фото М. Боташева

КУБОК СССР ПО ФУТБОЛУ

Составляя на Кубок Советского Союза по футболу отличаются двумя особенностями: первая — участие в розыгрыше доступно любому футбольному коллективу, каждая команда может испытать себя во встречах с опытными, известными всей стране коллективами; вторая — пригласившая команда выигрывает, отсюда исключительная острота спортивной борьбы.

Из года в год растет число команд, оспаривающих почетный приз. Если в 1949 году в борьбе за Кубок участвовало 8 тысяч команд, в 1950 — 12 тысяч, то в нынешнем году число их превысило 16 тысяч. Заметим попутно, что в Англии рекордное количество участников розыгрыша кубка — 900 команд.

Невыданный размах состязаний на Кубок в нашей стране способствует росту спортивного мастерства широких масс футболистов. Так, два года назад в четвертьфинальной встрече мы увидели молодую команду спартаковцев города Херсона, в следующем сезоне выдвинулась ленинградская команда общества «Калев». В розыгрыше Кубка 1951 года футболисты города Калинин победили также признанные команды, как московские и ленинградские «Динамо», «Шхтер», вышли в финал. Они встретились с чемпионом СССР 1951 года прославленной командой Центрального дома Советской Армии.

На серебряной крышке хрустального кубка появилась новая надпись: «Команда ЦСКА, Москва, 1951 г.». Ее сделала гравёр Вячеслав Моргунов, известный футбольный судья.

Фото А. Бочинина

Это состязание любители футбола надолго сохраняют в своей памяти. Лишь в добавочное время каленинцы со счетом 1:2 уступили чемпиону страны право на Кубок. Футболисты города Калинин с честью сражались на зеленом поле и до последней секунды играли с большим подъемом.

В команде города Калинин много молодых. Вратарю Владимиру Фарынку — 22 года, защитнику Борису Кузнецову — 23 года, нападающему Анатолию Ильину — 21 год.

На стадионы выходят новые, молодые силы. Этой молодежи предстоит умножить славу советского спорта. Таков важнейший итог розыгрыша Кубка СССР по футболу 1951 года.

С. САВИН

ШАХМАТЫ

ЧЕТЫРЕ КОМБИНАЦИИ

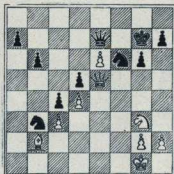
С таким же нетерпением, как любители футбола ожидают первого весеннего состязания, а хоккеисты — крепкого декабрьского мороза, советские шахматисты встречают ноябрь — подлинно «шахматный» месяц. Из года в год в эти дни сильнейшие шахматисты страны собираются в Москве и разыгрывают очередное первенство Советского Союза.

В двадцатидюг по счету всеобщему чемпионату должны принять участие наши выдающиеся гроссмейстеры во главе с чемпионом мира Михаилом Ботвинником, а среди мастеров мы увидим наших отличившихся в последних соревнованиях Е. Геллера (Одесса), М. Тайманова (Ленинград), А. Аронина (Московская область). Кан и во всех

предыдущих первенствах, кто-нибудь из новичков, конечно, окажется далеко не последним, и это, пожалуй, наиболее ценная и характерная особенность соревнований советских шахматистов.

Всех же самое большое внимание привлекают партии участников, носивших уже высокое звание чемпионов страны. Это Ботвинник, Керес, Вронштейн, Смыслов, Котов и Вондревский. Нет нужды перечислять их блестящие достижения: они в памяти у всех.

Приведем лишь несколько примеров их творчества — позиции из партий, в которых советские гроссмейстеры добились победы во встречах с виднейшими зарубежными шахматистами.

Комбинация, осуществленная Ботвинником (белые) в партии против Капабланки (Амстердам, 1938), по праву вошла в сокровищницу лучших образцов шахматного творчества.

30. Cb2—a3!

Жертвуя фигуру, белые отламывают неприятельского ферзя.

30. ... Фe7:a3
31. Kc3—b5+! g:h5
32. Фe5—g5+ Kp7—f8
33. Фe5:f6+ Kp8—g8
34. e6—e7 Фa3—c1+

Теперь белым осталось лишь уйти королем от шахов.

35. Kp1—f2 Фc1—e2+
36. Kp2—g3 Фe2—d3+
37. Kp3—h4 Фd3—e4+
38. Kd4—h5 Фe4—e3+
39. Kp5—h4 Фe3—e4+
40. e2—e4 Фe4—e1+
41. Kp4—h5, и Капабланка сдался.

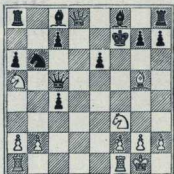
А это — окончание партии Эйве — Керес из полу-турнира на первенство мира (1948). Жертвует фигуру черные разрабатывают позицию неприятельского короля.

19. ... c3:f4
20. c3:f4 Kd6:f4
21. Kd2—f3 Kd6:f4

Не спасли и другие продолжения — 21. Kf3, из-за 21... Фf6+, 21. Фh4 ввиду 21... Kd2+ и затем 22... Сd4+, а 21. h4 в связи с 21... h6.

21. Kf3—e2 ±
22. Kp1—g2 h7—h6
23. Фe1—e2 Фf6—f5
24. Фd2—c3 h6:g5
25. Cc1—e2 Cd3—e4

Положение белых безнадежно, и Эйве признал себя побежденным.

Турнир в Стокгольме 1948 года. В числе лидеров венгерский гроссмейстер Сабо и 24-летний Вронштейн. Встреча между ними имеет решающее значение. Молодой советский мастер эффектно завершает борьбу.

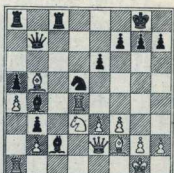
— 16. La1—d1!

Нояль останет без защиты, но брать его нельзя. Вот возможное продолжение: 16... Фa3 17. Ф:c7 Kp8 18. Kc5 h6 19. Ld8 Kp7 20. Cb6.

16. ... Сb8—b7
17. Kf5—b7 La8—d8
18. Kd7:c5 Kd8—d5

или 18... J:d1 19. J:d1 C:c5 20. Kc5+ Kp8 21. Ld8+ C:b8 22. Cb7.

19. Kc5—e4 Cb8—b6
20. Kd4—c3 и вскоре Вронштейн выигрывает.

В радиоматче СССР — США (1945) наиболее опасным был противник Смысловых Решенский. Однако обе встречи между ними закончились победой советского гроссмейстера. Вот позиция из одной из партий, в которой Смыслов проявил решающую комбинацию:

28. ... e6—e5!

Жертва пешки, которую нельзя отложить.

29. Kd3:e5 Cb4—c3!

Жертва фигуры, которую невозможно принять 30. Kc3 K:c3 31. Фd2 K:f5 32. ab b2

30. Kc5—e4 Cc3:d4

Мастер Л. АБРАМОВ

В марсельский порт прибыл ещё один транспорт раненых из Индокитая. Ислеченный французский солдат утешает мать. Этому ещё повезло: он потерял только руку. А сколько его сверстников навсегда осталось лежать в далёкой вьетнамской земле!

ПОД ВЛАСТЬЮ
ДОЛЛАРА

Несчастье быть молодым

Молодость — самую светлую пору жизни — американские империалисты превращают в проклятье...

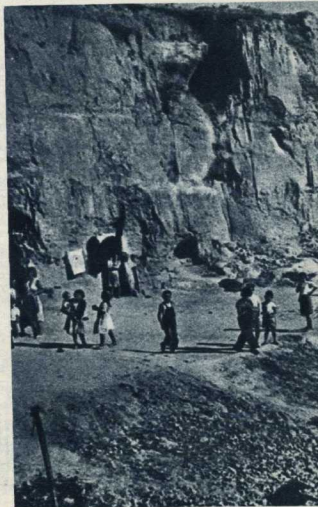
Как чудовищный спрут, протянул во все концы мира свои щупальца кровожадный доллар. Бизнесмены с Уолл-стрита хотят прибрать к своим рукам все богатства земного шара, закабалить все народы. В погоне за наживой они не останавливаются ни перед чем. Они посылают на убой в далёкую Корею тысячи и тысячи мо-

Пещеры в окрестностях Мадрида. Вот в таких «квартирах» живут тысячи семей испанских рабочих. Невыносимые условия жизни во франкистской Испании толмелев всего ссылаются на молодом поколении. Как сообщает мадридская газета «Публо» в номере от 28 июля 1951 года, даже по данным официальной статистики, 14 детей в возрасте от 5 до 12 лет больны туберкулезом, около 18 тысяч испанских детей поражены проказой.

Австрийский народ гневно протестует против провокационных действий американских оккупантов, строящих военные базы и крепость в Альпах. В Вене против резиденции австрийского канцлера дежурят пикеты демонстрантов. На груди одного из них, молодого инвалида второй мировой войны, висит плакат: «Альпийская крепость Зальцбург — это война для Австрии».

Снимки, взятые из швейцарского журнала «Швейцарер иллюстрирте щейтунг», австрийского журнала «Вельт» иллюстрирует и американской газете «Дейли уоркер».

В поисках пищи... Это обычная сцена в современном Париже.

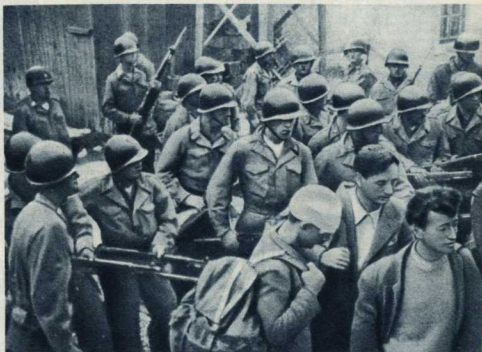
Парижские студенты в знак протеста против сокращения ассигнований на стипендии устроили забастовку. Демонстранты вышли на улицу с плакатами и лозунгами. Вот как расправились власти маршализованной Франции с учащейся молодежью.

лодых американцев, англичан, канадцев, голландцев, забрасывают бомбами и заливают napalmом корейские города и сёла; во имя при-
былей американских и французских империали-
стов гибнет в джунглях Индокита молодёжь
Франции; во славу доллара и фунта стерлингов
умирают в Малайе молодые англичане... Импери-
алисты США покупают оптом и в розницу
правительства буржуазных государств, грабят
целые страны, обрекают на голод и нищету
миллионы мужчин и женщин, юношей и девушек.

Трубадуры заокеанского империализма на все
лады расхваливают «американский образ жизни».

Взгляни на эти фотографии, читатель. Вот он,
подлинный «американский образ жизни», вот
она, хваленая буржуазная «демократия», вот она,
пресловутая американская «помощь»!
Молодость мира не даст себя ни провести, ни
запугать. Всё новые и новые массы молодого
поколения земного шара поднимаются на борь-
бу за мир, за свободу, за счастье, всё громче и
решистельнее звучит на всех языках гневный
голос молодёжи:

— Нет, не бывает войны!

В полном боевом снаряжении, с примкнувшими штыками выступили солдаты американских оккупационных войск в Австрии против молодых борцов за мир, направлявшихся на Берлинский фестиваль.

Нью-Йорк — город высочайших небоскрёбов, роскошных дворцов, безумной расточи-
тельности миллиардеров. Но это таинственный город непослушных трущоб, безграмотной нужды
и нищеты. На с ним и к: «ночлег» одного из безработных жителей Нью-Йорка в квар-
тале Бауэри. Несчастный заснул на тротуаре у витрины продовольственного магазина.

«ВОЛШЕБНЫЙ» КРУГ

У олушан на колах висит котел над потухшим костром. На срубленных ветках берёзы сидят человек и собака. Они заснули после охоты на утиную зарю. Вокруг бивуаха охотника замкнуто кольцо дыма, лежащего на земле перекованной верёвки.

На них выползает медведь и направляется к человеку. Она пробует перебраться через верёвку, но, едва прикоснувшись к ней, тотчас же соскальзывает назад. Медведь пытается перебраться через верёвку с другой стороны и опять отступает.

ВОЛНЫ НОВЫХ МОРЕЙ

На огромных водоёмах — Кубышевском и Сталинградском, — которые олушуются, после постройки на Волге плотин, будут возникать волны, каких никогда ещё не видели на самых чистых платанах волжских судов. Морской гидрофизический институт Академии наук СССР уже занялся изучением волн, которых ещё нет, но к борбе с которыми надо быть готовым заранее.

Волны представляют собою очень сложное явление, и nowhere существует предание о девах вале, сокрушающих корабли и губящих их команды. Теперь известно, что волны особой силы вовсе не обязательно должны быть девственными: они могут быть и четвертными, и пятными, и шестыми, и т. д. Это зависит от глубины и рельефа дна водоёма, направления и силы ветра.

Учёные на Морском гидрофизическом институте, зная размеры дна Кубышевского моря, губящего их, сифонировали берега, углубили дна, предприняли масштабные работы, которые могут появиться в Кубышевском и Сталинградском водоёмах. Это позволит уловить, вычислить, как будут вести себя в новых условиях существующие волжские суда, и конструировать специальные типы кораблей.

ТЕПЛОЛЮБНЫЕ БАКТЕРИИ

В чём дело? Ведь известно, что утки и змеи свободно переползают через обыкновенные верёвки. В какой же «волшебной» верёвке орудил себя охотник и в чём секрет этой защиты?

Высокая температура губительна для всех живых. Микроорганизмы обычно не переносят температуры выше 40–45 градусов. Но есть некоторые бактерии, которые требуют для своего существования температуры до 80–85 градусов выше нуля. Происхождение этих теплолюбивых бактерий долгое время было совершенно тайной. Новые учёные предполагали, что

термофилы, как называют этих бактерии, попали к нам с других планет с очень жарким климатом. Другое исследование утверждает, что теплолюбивые бактерии — потомки бактерий, живших на Земле, когда температура на её поверхности была гораздо выше, чем теперь. Было и предположение, что родной термофилов является самая жаркая область земного шара и отсюда воздушные течения разносят их по всей земле.

Только совместным учёным удалось разгадать тайну термофилов: это обычные микроорганизмы, которые под воздействием среды приспособились к высоким температурам.

Каждую роль играют эти удивительные бактерии в жизни человека? Можно традицию часов кипятить мясо или овощи, но если вода пошла споры термофилов, бактерии потом размножатся в ухе готовой, заливной бане консервов. Вручную же производится термофилов, соприкасаясь с разогретой средой, в которой они обитают. Мед и уксус, нагреваясь в котлом, выделяемые термофилами, могут самосоплощаться: зерно чернеет, сбраживается в спелую массу.

Но тепло, даровое тепло, вырабатываемое бактериями, приносит и пользу. В удобрениях, получаемых из отходов животноводства, тепло убивает многие вредные организмы. Тепло бактерий можно использовать в промышленности, например, в отапливании зданий. Термофилы открывают большие перспективы в самых разных областях науки и техники, в частности и в медицине.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРДЫ: В № 12

По горизонтали: 1. Басов. 2. Марты. 10. Рельеф. 12. Металл. 13. Тоннель. 14. Обручен. 15. Перев. 18. Палачи. 21. «Маска». 24. Америка. 25. Синапа. 26. Радар. 27. Врыга. 28. Лура. 31. Тропа. 35. Валин. 39. Лебедя. 40. Овчарка. 41. Седая. 42. Волос. 43. Антон. 44. Артек. 45. Ростов. 46. Орына.

По вертикали: 1. Болото. 2. Воронка. 4. Кабагга. 5. Кулава. 6. Синол. 7. Копер. 8. Орлов. 9. Мачка. 11. Савок. 16. Евреина. 17. Опыление. 18. Антон. 19. Латта. 20. Шайба. 21. Марат. 22. «Салко». 23. Корте. 24. Убеж. 25. Денисю. 32. Ротатор. 33. Пирей. 34. Давоер. 35. Рысь. 36. Репт. 37. Неван. 38. Пороша.

В № 13

По горизонтали: 1. Сигур. 2. Угел. 3. «Колонна». 4. Конфет. 5. Риск. 6. Нит. 10. Советск. 12. Суббот. 14. Адрин. 15. Тоннель. 18. Антония. 19. Монтанья. 20. Синтавис. 22. Лавис. 23. Солоней. 28. Самолет. 30. Брошка. 34. Мотылек. 35. Кордова. 38. Инбор. 40. Тулоз.

По вертикали: 7. Пирит. 8. Монроусов. 9. Иеат. 10. Савоний. 11. Федлев. 13. Осло. 15. Уаза. 16. «Молоток». 21. Платина. 24. Ворсин. 25. Тоннель. 26. Италья. 27. Параллель. 31. Адамсит. 33. Нитомит. 38. Баскеткоп. 37. Тире. 39. Литт. 41. Туннель. 43. Плотина. 45. Керес. 46. Митосов. 47. Ромок.

КРОССВОРД

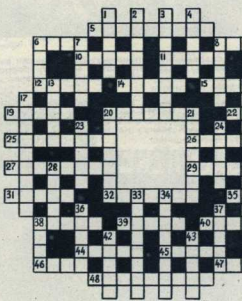
Составили Д. Дорогова и А. Аверьянов (г. Ардатов, Мордовская АССР)

По горизонтали:

5. Выдающийся военный деятель XVII века. 6. Персонаж драмы Б. Лавренца «Голос Америки». 8. Опера Д. Верди. 10. Большое повествовательное произведение. 11. Салив при впадении реки в море. 12. Твёрдый металл. 14. Автор «Путешествий Гулливера». 15. Средство переправы. 19. Испанский институт. 20. Лебедь. 22. Рыба. 25. Термин научного коммунизма. 26. Музыкальное произведение. 27. В древности «всадники». 28. Человек, убеждающий массы. 31. Единичная измерительная сила света. 32. Музыкальный инструмент. 35. Шнаф для посуды. 38. Тропическое растение. 39. Название книги. 40. Олень. 44. Герой произведения А. Гайдара. 45. Название дельфина. 46. Город в Крыму. 47. Газ. 48. Кресток на Балтийском море.

По вертикали:

1. Часть судна. 2. Праздник под открытым небом. 3. Ударный музыкальный инструмент. 4. Сочинение юных стихотворцев. 6. Перевёрнутый каменный уголь. 7. Ручное оружие. 8. Поезд. 9. Мельничная часть машины. 13. Речной звук.

16. Приток Миссисипи. 17. Совокупность материальных ценностей. 18. Боспитание одного из специальных учебных заведений. 20. Политганиз. 21. Человек, занимающийся производством на дому. 23. Река в Европе. 24. Число. 25. Неправильная принадлежность. 30. Хищная

рыба. 33. Генеральный голландский японист. 34. Коммиссия опера. 36. Речная птица. 37. Ловильная убор. 38. Роман. 41. Эрнесто. 43. Венгерский композитор. 44. Персонаж на пьесе А. Корнейчука «Милый друг». 45. Термин. 46. Участник революционных событий 1905 года.

По номеру:

С. Крутилин — Наташа Валикина, пианистка. Борис Полевой — Мы — советские люди. Рассказы о советской молодёжи. Мих. Владимов — Новые моря. А. Беляков — Красная линия. Юрий Трифонов — Встречи на Волге. Лес — великим строителем. Фотографии В. Тенина. Д. Федоров — Препятствия. Николай Митин — Услуга. Самоходный бегемот. С. Дыттер Холендрог — Песня. Иван Фролов — Катякина ваза. Иван Паровоз — Осень. Михаил Габриэль — Изданный клуб. Л. Соколовский — Прида. Николай Гвоздикова — Грандиозный. Владимир Орлов — Услуга. Виктор Киселёв — Срочный маршрут. И. Шмуков. Л. Магид — Подземный вздох. Н. Вабинов — У нас в Серпухове. Д. Абрамов — Четыре комбинации. Несчастие быть молодым.

На первой странице обложки: Дипломанты работ И. Чудновского (Московский художественный институт имени В. И. Сурикова). На четвертой странице обложки: Студент-первокурсник Московского университета Вислента Баранова. Фото И. Моткина и Г. Дубинского.

Оформление номера В. Уриной.

Ответственный редактор — А. Баранов.

Редакторы: В. Азиев, Г. Гуля, Е. Домогатовский, Н. Жуков, А. Космодьянский, Г. Кукин, М. Лукин, М. Смородина.

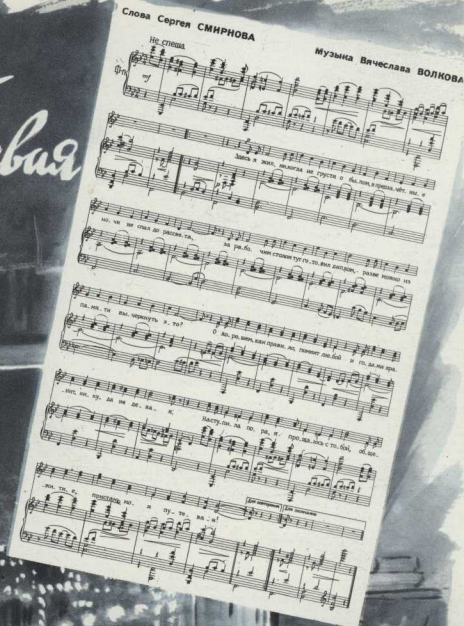
Адрес редакции: Москва, 47, ул. «Правды», 24. Тел. Д-34-24. А 07459. Подписано к печати 1951 г. Заказ № 2536. Тираж 120 000. Инд. № 707.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Пристань моя путевая

Слова Сергея СМЕРНОВА

Музыка Вячеслава ВОЛКОВА

Здесь я жил, никогда не грустя о былом,
В предвечные ночи не спал до рассвета,
За рабочим столом тут готовил диплом —
Разве можно из памяти вычеркнуть это?

Припев:

О хорошем, как правило, помнит любовь
И годами хранит, никуда не девав.
Наступила пора, я прощаюсь с тобой,
Общезнание, пристань моя путевая!

Под твою невысокую крышу уже
Не вернусь мимолётного отдыха ради,
И настольный огонь на моем этаже
Озрит не мой, а чужие тетради.

Припев.

Я же здесь буду мысленно снова и снова,
Пусть минует немало событий и лет,
Где студенческий мною хранимый билет
Я в кармане носил до числа выпускного.

Припев.

